

50 ЛЕТ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советский Журналист

15 ноября 1986 г.
СУББОТА

Учебная газета факультета журналистики Уральского
государственного университета им. А. М. Горького

Год издания 28-й
№ 226—227

СКОЛЬКО БРАТЬ НА СЕБЯ

Заголовок этой статьи Вадима Данилова — собкора «Правды» и выпускника нашего факультета сейчас широко известен, стал своего рода формулой важного социального и гражданского тезиса.

Действительно, сколько брать на себя нам — журналистам Среднего Урала? Сколько брать, активно участвуя в огромной работе по качественному обновлению всех сторон нашей жизни, начатому партией!

Сколько брать на себя и коллективу — студентам, сотрудникам и преподавателям родного факультета? Это не риторический вопрос. 50-летие факультета совпало с переломным этапом в истории страны. А какой бы сферы деятельности СМПИ мы не коснулись, в конечном счете, все упирается в кадры.

О всепризнанные достижения Уральского школы журналистики. Обучение здесь ведут опытные преподаватели-журналисты. Сотни питомцев факультета трудятся во всех краях страны. В Свердловской области свыше тысячи журналистов-профессионалов. Большинство из них — очно или заочно — закончили факультет журналистики УрГУ. Достаточно редакций, укомплектованных целиком или почти «уругушниками». Их творческие успехи подтверждают, в целом, надежность профессиональной учебно-воспитательной подготовки.

Но время не стоит на месте. Оно предъявило свои новые требования к журналистам-практикам, а значит — и к факультету. Начавшаяся перестройка высшего профессионального образования должна вывести коллектив на качественно иные — по формам и содержанию — методы обучения, на совершенствование организации и концепции самого учебного процесса, а главное — на утверждение нестандартных связей университетской журналистики с журналистской практикой.

XXVII съезд КПСС преподнес всему нашему обществу урок правды, урок политической смелости и гражданского мужества. Урок партийной и профессиональной честности. Как очевидное следствие этого, — возрос и продолжает повышаться качественный уровень партийного руководства СМПИ. Все больше редакционных коллективов, журналистов — в центре и на местах — по-новому оценивают и переосмысливают добротность своего труда, по съезду выверяют принципиальность своей позиции.

Серьезный экзамен держит и журналистика области. Средний Урал располагает развитым, современным и перспективным информационно-пропагандистским комплексом. В него по праву входит и факультет журналистики Уральского университета. Складывается

четкий, согласованный механизм взаимодействия структур такого комплекса. Но главным здесь остается одно: кропотливая индивидуальная работа с кадрами и теми, кто готовит себя к выступлению в наш журналистский корпус — их воспитание, информирование, учеба и расстановка.

Одной из форм этой работы стала регулярная аттестация журналистских рядов — не только работников с солидным редакционным стажем и на руководящих постах, но и тех, кто только из университетской аудитории. Что она показывает?

Да, что касается содержания наших СМПИ, то в нем появляются не только новые темы, но и новые подходы к их подаче и осмыслению. Стало не просто больше остроты, проблемности, но конкретности, конструктивности в критике. Будем, однако, открыты. Новаторский дух, публицистическая инициатива и поиск медленно пробивают себе дорогу. Я говорю об этом именно на страницах «Советского журналиста». Ведь не каждый региональный комплекс СМПИ располагает университетской школой и наукой журналистики, т. е. центром подготовки специалистов высшей квалификации. Между тем, у отдельных журналистов, в деятельности ряда редакционных отделов и целых газетных коллективов пока сильно стереотипы и инерция профессионального мышления, цепкая приверженность к ремесленному «ходоу» и «приемам», ориентация на позавчерашний «опыт».

Не стал бы говорить об этом, когда б среди носителей подобных «установок», не было и журналистской молодежи... Откуда у нее такая восприимчивость к редакционной рутине?

Наблюдается, к сожалению, затянувшаяся профессиональная робость молодых, их растерянность перед сложностью и противоречивостью действительности, цепляние за дидактические и умо-

зрительные схемы-наставления или сползание к простой описательности.

Надо понять: поддержка редакций со стороны партийных и советских органов будет тогда результативной, когда она опирается на последовательность, гражданское мужество и бойцовские качества самих журналистов, не опускающих рук перед «оборонительным валом» тех, кто не желает пускать свежую чистую воду перестройки в «застойное болото» накопленных проблем.

Не собираюсь, коллеги, делать обобщения. Однако скажу: современной журналистике требуются не «звездные мальчики», упоенные собой, желающие блеснуть «звонок-стройкой». Одними образными изысками, словесными ухищрениями не заменить необходимую аргументированность и основательную обоснованность доводов и фактов, не прикрыть творческую глухоту.

Острая проблемность? Увы, одна «постановка проблемы» еще не устраняет те или иные недостатки. Эффективность нашего слова сегодня в решающей мере зависит от настойчивой борьбы за действенность. Что содействует этому? Повторю: профессиональное мужество, политическая зрелость, деловая, специальная компетентность. И добавлю: прочная обратная связь журналиста с аудиторией, способность выявить и укрепить подлинное и действенное общественное мнение.

С хорошей, но завистью читаю об общественных студенческих КБ в ином техническом вузе. У нас на факультете есть СНО... Может, на базе кафедр, СНО и редакционных коллективов, отделения СЖ СССР реальные проблемные объединения (лаборатории?), способные удовлетворить профессионально - моделирующие (типологические, социальные, кадровые и т. д.) заявки практиков?

В области 48 городских, районных и объединенных газет, 82 многотиражки. Надо ли говорить, что это самая массовая составная часть нашего комплекса?

Не пойти ли факультету смелее на заключение хозяйственных с «производственной фирмой» — областным Управлением издательств, полиграфии и книжной торговли. Взяться за выполнение заказа по осмыслению насущных проблем такого звена региональных СМПИ? Словом, — побольше весомых практических связей с уральской журналистикой, смелых инициатив! Побольше делового, новаторского участия в перестройке нашего общего журналистского дома!

Сергей БАЛИН,
заведующий сектором печати,
телевидения и радиовещания
Свердловского обкома КПСС.

Выпуск 1976 г.

ПЕРЕСТРОЙКА. УСКОРЕНИЕ.

ЭТИ ЕМКИЕ ПОНЯТИЯ СТАЛИ ДЕВИЗОМ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ. ОНИ ОТРАЖАЮТ СУТЬ КАРДИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН, НАМЕЧЕННЫХ ВО ВСЕХ СФЕРАХ ЖИЗНИ. КАК ОТМЕТИЛ М. С. ГОРБАЧЕВ, — «ЭТО НАСТОЯЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ВСЕЙ СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ, В УМАХ И СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ, ПСИХОЛОГИИ И ПОНИМАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА И, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЗАДАЧ, ПОРОЖДЕННЫХ БУРНЫМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ».

Партия, Советская власть призвали журналистов аккумулировать идеи, мнения, опыт масс, ориентировать сознание людей, их психологию на решение новых задач, собирать по крупицам и распространять все ценное, что рождено на практике в ходе разворачивающейся перестройки, помогать коллективам искать и находить позитивное решение возникающих проблем. Задача в том, чтобы создавать в массах высокое трудовое и идейно-нравственное настроение.

Видя в СМПИ инструмент созидания, гласности, общественного контроля, выразителя общепартийной точки зрения, партия проявляет большую заботу о повышении их действенности, качества труда журналистов. А главным критерием действенности ныне стала смелость, в том числе и личная, в сочетании с партийной оценкой общественно значимых фактов, явлений. Партия призвала журналистов к честной, правдивой, искренней информации, к конструктивной критике недостатков и упущений. Отвечая на этот призыв делом, многие редакционные коллективы стремятся полнее использовать свой творческий потенциал, взвешивают, все ли приемы и методы работы отвечают требованиям времени, преодолевают стереотипы мышления, серость, инертность и поверхностность суждений.

ВРЕМЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, ФАКУЛЬТЕТ

Дело, зримая каждому перемена к лучшему — такой мерой нужно оценивать сегодня и качество подготовки журналистских кадров.

Коллектив нашего факультета вправе гордиться свершенным за 50 лет. Он подготовил около четырех тысяч журналистов, работающих во всех звеньях средств массовой информации и пропаганды страны. Около 140 выпускников успешно трудятся в центральных изданиях. В редакции «Правды», например, — 18 человек, в том числе член редколлегии Е. Спехов, спецкоры Вера Сиченко, М. Бужкевич, А. Мурзин, фельетонист В. Прохоров, собкоры В. Данилов, Б. Евладов и др.

Редакторами журналов «Смена», «Вокруг света», еженедельника «Собеседник» соответственно являются А. Лиханов, А. Полищук, В. Снегирев, заместителями редактора «Советской России» — В. Иванов, «Комсомольской правды» — Ю. Совцов. Ответственные посты доверены в редакции «Труда», Б. Батарчуку, в «Комсомольской правде» — Ю. Лепскому, в «Учительской газете» — Ирине Ханхасаевой, в журнале «Журналист» — А. Щербакову.

Читателям широко известны имена публицистов Капитолины Кожевниковой, В. Выжубовича («Литературная газета»), В. Кичина («Известия»), Клары Скопиной — лауреата премии Ленинского комсомола, зав. кафедрой журналистики в Центральной комсомольской школе.

Большинство воспитанников факультета творчески работают в областной, городской и районной печати, на телевидении и радио Урала, Сибири и Дальнего Востока. В редакциях Свердловской области практически все сотрудники с высшим профессиональным образованием — питомцы Уральского школы журналистики. Многие из них занимают руководящие посты: С. Мешавкин — главный редактор журнала «Уральский следопыт», И. Малахеев — редактор «Вечернего Свердловска», С. Быстров — «Тагильского рабочего», А. Куриленко — районной газеты «Правда коммунизма», Р. Лапиков — многотиражной газеты УЗТМ «За тяжелое машиностроение»...

17 выпускников факультета удостоены звания лауреатов премии Союза журналистов СССР.

Уральская школа журналистики получила признание в журналистских кругах. Однако время предъявляет все более жесткие требования к высшей школе. Перестройка журналистской практики должна начинаться на факультетах журналистики. Именно мы призваны дать сегодняшним студентам тот уровень знаний, тот душевный накал, которые обусловят их умение и искреннее желание работать творчески, по-современному.

(Окончание на 3-й стр.)

НАМ ПИШУТ

Прикиньте расстояние: от Пионерского поселка до угла Проспекта Ленина и улицы Хохрякова. Далековато. А было время, когда этот путь казался мне легко преодолимым, в крайнем случае — даже пешком. И не опаздывая, к звонку!

Мне, т. е. студентке ГИЖа. Уже в

Такая тонкая ниточка

те, такие далекие теперь довоенные годы Свердловск по праву называли «городом вузов». Тем не менее, ГИЖ «гигиеш» для многих звучало таинственно и малопонятно. Мы растолковывали, что в 1936 г. был открыт Свердловский Коммунистический институт журналистики (КИЖ), а в 1940 г. его преобразовали в государственный (ГИЖ). Это дало право вчерашним школьникам, наряду с газетчиками-практиками, рабселькорским активом редакций, молодыми коммунистами и комсомольскими работниками, получить журналистское образование.

...Двухэтажное каменное, с печным отоплением, здание. До революции здесь было реальное училище. Мы скоро обжили его, сделали «нашим домом» — уютным, по-семейному теплым.

Что-то в его интерьере сейчас вызывает улыбку. Например, зеркало-трюмо на старомодной подставке. Студенты подолгу прихорашивались перед ним. Или стены на площадке второго этажа, расписанные «под мрамор».

Площадка второго этажа. Налево «классы» — для старших II и III-го курсов, направо «зал» — место занятий для нас, первокурсников. Зал этот обладал свойством удивительных превращений. Небольшая площадка сцены. Рядом кафедра. Обычная аудитория. Но вот на сцене быстро ставят столы — собрание! Собрания были шумными, но принципиальными. Очень острыми, подчас — жесткими, категоричными по оценкам и всегда — предельно деловыми и конкретными по решениям. Новое превращение: танц-

ем! Прямо на сцене. На переменах. Что нам ваши электронномызыкальные агрегаты. Даже патефон. Танцуем под баян! Однако, идя в ногу со временем, создали и свой джаз-бэнд. А летом любили вместе гулять в саду им. Вайнера (мало, что от него теперь осталось), ходили на вечера в клуб «Профинтерн» или строителей.

Словом, умели мы от души повеселиться и были серьезными. Иосиф Ибрагимов (работал потом в Фергане, погиб в авиакатастрофе) не только писал стихи, но и был таким парторгом, какого до сих пор вспоминаю. Не «руководил» на заседаниях, а увлекал всех полной самоотдачей делу, собственной самоотверженностью.

... За площадкой сцены — дверь, за ней закуток. В нем — вся магия буду-

шей профессии: редакция многотиражки. Сменными редколлегиями руководил старшескурник Олег Коряков. Стройный, подтянутый, в спортивной куртке, сразу даже не поймешь: шутит или всерьез? — он казался нам живым олицетворением самой журналистики. «Советский журналист» считая прямым продолжением тогдашнего «Сталинца». Замечу, что учебное назначение нашего печатного издания удачно сочеталось с его ролью институтской газеты.

Кижевцы — кижевцы! Однокашники и учителя...

Прошу нынешнее поколение факультета понять меня: не хочу, чтобы ушли в безвестность их имена. Это не тщеславие и не ностальгия. Без них не было бы сегодняшнего юбилея. Очень

и учителя...

и учителя...

НАМ ПИШУТ

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

боюсь сбиться на поминальный тон, утомить вереницей имен. Впрочем, вспоминая товарищей, с радостью убеждался, что нас, переживших невзгоды военной поры и воевавших, осталось не так уж и мало.

О преподавателях скажу обязательно. Как личности, они были разными. Не имели, как ныне, ученых званий и больших списков трудов. Но все были настоящей «газетной косточкой».

Зав. кафедрой печати А. Н. Пятницкий. На нем держалась добрая половина дисциплины по специализации. Это была тяжелая ноша для одного, пусть и одаренного человека. Но, понимая, что они были первыми. Небольшая группа энтузиастов учила и выучила нас.

К. В. Боголюбов. Критик-литературовед. И газетчик! Многим поколениям студентов (и — позже, в университете) он указал на органичную связь большой журналистики и большой литературы, открыл нам глаза на богатое наследие публицистики нашего края.

П. А. Павлов. Он помог нам вжиться в суть политического руководства журналистикой, которое знал не по одним документам, а на деле — как партийный работник и партийный журналист. Человек этот открывался студентам и заботливой ироничностью старшего коллеги. Помню его напутствия перед практикой. Они стали чуть ли не институто-факультетским фольклором: «Журналист должен иметь кусок хлеба... с маслом и даже — с сыром. Но этот кусок надо не заработать, а заслужить!» Или: «Повсюду, на факультете тоже — ходят слухи. Постоянно общайтесь с людьми, но умеете отличать настоящее от слухов, деловую, неброскую критику от «смелого» критиканства и демагогического красноречия».

«Бытумное бомб» — экзотический заголовок заметки, которую на занятиях по стилистике предложил нам ректор института В. Е. Бузунов. Заметка с таким трудом подавалась правке, что помню ее и сегодня. Думаю, во многом благодаря проректору, в ГИЖе была особая учебно-производственная и воспитательная атмосфера — обстановка настоящей редакции. Жили, действовали «срочно в номер!». Нет, суеты не было. Просто никто лишнего, показного, отвлекающего и распыляющего силы. Только то, что необходимо «на полосу». Умели учителя нацелить нас на самое главное в жизни, учебе и будущей профессии.

Так жили 273 студента (173 — мужчины), часть которых с осени 1941 г. готовились стать четырехкурсниками. Только летом 41-го началась совсем другая жизнь. Многие наши навсегда ушли из нее. Те же, кто не сумел закончить институт (с осени 1941 г. он, на правах факультета, вошел в УрГУ), в большинстве своем оказались «дважды студентами». Вернувшись с фронта, они нашли в себе силы завершить учебу в университете. «Дважды преподавателем» оказался и представитель первого выпуска К. Ж. А. Б. С. Коган. В 1940 г. он был оставлен на преподавательскую работу в ГИЖе. По-настоящему боевой офицер, ныне — заслуженный работник культуры, Борис Самуилович развернул ее лишь после Победы.

А я, как и большинство студентов, работала в войну на заводе. И, с перерывами, продолжала учиться.

Те, кто ныне на факультете — студенты, сотрудники преподаватели. Обращаюсь к вам всем с одной просьбой: не дайте оборваться такой тонкой ниточке — из прошлого в настоящее и будущее!

Это не «дежурная» концовка. Я глубоко встревожена положением с «новейшей историей» нашего факультета. Не вижу энтузиастов, просто — добросовестных и аккуратных «хронологов», которые бы любовно, тщательно и по крохам собирали, классифицировали и берегли «памятники» наших сегодняшних факультетских будней. Кое-что из того ценного, что было накоплено прежде и хранилось, сейчас трудно даже найти... О работе студенческой группы «Поиск» тоже вынуждена сказать: «суждены нам благие порывы...» В ее деятельности мало преемственности, планомерности и целеустремленности, самого поиска, прямо скажу — элементарного музейно-архивного порядка.

По протоколам заседаний кафедр и факультетским отчетам в учебную часть, конечно, можно составить справки или информационный доклад. Только настоящей истории из этого не получится. А ведь кто-то, кто небрежно пробежал сейчас эти строки, сам, в 2036 г. — на юбилее столетия факультета, будет сниться, вспоминая: что же все-таки было полвека назад?

Маргарита СИТНИКОВА,
зав. кабинетом печати факультета.
Пенсионер.
Выпуск 1945 г.

(Продолжение рубрики
«Нам пишут» на 4-й стр.)

ПОЕЗДКА В СВЕРДЛОВСК

...была неотвратима, потому как сама жизнь подвела меня к решению: «Надо ехать!»

Так считает Игореха — 33-летний сотрудник отдела информации в редакции одной из дальневосточных газет.

Зачем ехать? Хотя бы для того, чтобы снова увидеть «четырепалубный» наш гранитный корабль», т. е. здание УрГУ на Проспекте Ленина. Но самое главное: «надо ехать на Урал картошку убирать... любой ценой... ехать на Урал».

Пора сделать необходимые пояснения читателю этих строк.

Мой однокурсник Сергей Корниенко после окончания нашего факультета в 1975 г. работал в газетах Сибири и Дальнего Востока. Ныне он — сотрудник отдела публицистики журнала «Дальний Восток». В прошлом году, в серии «Первая книга прозаика», Хабаровское издательство выпустило книгу Сергея — две повести: «Надо ехать!» и «Жизнь в лесу».

Я читал книгу как, наверное, никто другой. Впрочем, преувеличиваю: с таким же особым интересом она была встречена всеми нашими с Сергеем однокурсниками. Ведь в основе повести «Надо ехать!» — судьба выпускников нашего курса. Прототипы угадываются, замечу попутно, легко.

Я не собираюсь предложить «читательский отзыв», тем более рецензию на книгу. Однако, связав свою профессиональную и житейскую судьбу с «кораблем», я смотрю на повесть глазами уже не только однокурсника, но и некоего «должного лица». Ограничусь поэтому рядом выборок из текста, имеющих прямое отношение к факультету, с некоторыми комментариями, свободными, полагаю, от предвзятости. Так или иначе, а повесть С. Корниенко — первое художественное произведение, созданное на жизненном материале нашего факультета и воспитанником нашего факультета.

Итак, каковы впечатления Игорехи от встречи со Свердловском, что вообще помнится ему из студенческого прошлого? Как это прошлое «состыковывается» с его настоящим?

Встреча Игорехи с «кораблем» обернулась грустью.

«Вот и проведаль свой родной

университет. Вернее, был когда-то родным домом, а теперь обычное учебное заведение, и я в нем посторонний человек. Увы, без нашей беззаботной студенческой братии это монументальное здание с гранитными колоннами превратилось для меня в холодный и пустой склеп, где захоронено ушедшее время».

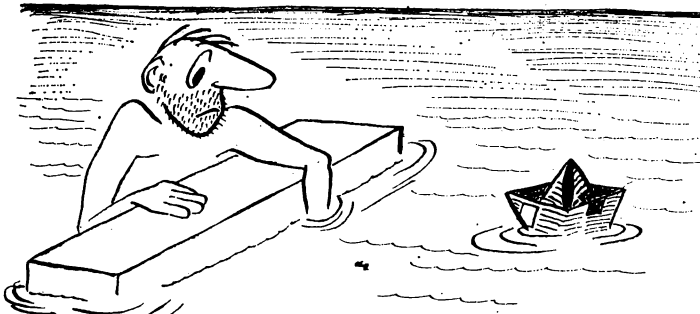
До студенческого общежития герой не дошел. Но есть щемящие сердце строки — воспоминания о последних общежитских днях и часах выпускников:

«...Нас осталось совсем мало, и мы сбились плотнее, в одной комнате...»

Однако не только стены и тени прошлого ждут героя в Свердловске. Здесь друзья. Так получилось, что несколько однокурсников «закрепились» в городе. Они

тальной, чем-то предупреждающей студентов-журналистов. Для меня это очень интересная, важная и дискуссионная часть книги. Настолько серьезная, что если говорить, то говорить особо, специально. Здесь же ограничусь лишь тем, что значительная часть тревог Игорехи идет от него самого. Он еще не нашел «своего места в жизни», не определившись в своей профессии.

Но часть тревог героя вызвана и однокурсниками. Дважды Игореха задумывался над тем, почему на пятилетие со времени окончания курса факультета собралось всего семь человек, и не так все было, как хотелось. «Будто помянут дальнего родственника собралось». Из них пятеро — свердловчане и лишь двое приехали. Впрочем, по своим причинам не

собрались и встреча, как мне кажется, несколько взбудоражила Игореху, согрела. Ведь все семь лет после окончания факультета он жил памятью о курсовом братстве, старался поддерживать переписку. Когда Игореха уезжал по распределению, трое оставшихся проводжали его под гитару:

«Возьмемся за руки друзья,

Чтоб не пропасть поодиночке...»

Это опасение «пропасть поодиночке» гнетет Игореху и поныне. В краткой издательской аннотации сказано, что книга «затрагивает важные проблемы морали, поиска человеком своего места в жизни». Добавлю, что эти проблемы затрагиваются автором не применительно к жизни молодого современника вообще, но именно молодого журналиста. Это делает повесть С. Корниенко поучительной и не в лучшую сторону.

приехал и сам Игореха.

Что однозначно для героя, так это — студенческий колхоз. Он, в воспоминаниях Игорехи, сфокусировал все самое-самое лучшее, что было в университете, на факультете и курсе.

Правда, Игореха есть Игореха. Не очень-то уютно чувствуя себя в Свердловске, он садится на скорый поезд, который за два часа домчал его до нужной станции. Потом — рейсовый автобус... и просьба водителю притормозить, не доезжая до остановки... Игореха сошел там, где ему когда-то открылась красота и гармония земли, мира. Героя мы уже узнали. Поэтому не будем шокированы тем, что его поездка в прошлое завершается воплем: «Какой кошмар!.. Зачем только я сюда ехал!» Многие преобразились не обратимо и не в лучшую сторону.

Краснова, думаешь: не со скромной ли многотиражной газеты начиналось большое мастерство?

Вообще, «Уральский рабочий» — такая это благодатная школа!

Пройдя «Уральский», мои друзья-товарищи оказались в силах,

К сожалению (а может быть и к счастью), память делает иногда прожитые дни лучше не только дня сегодняшнего, но смекает оценки, разумеется, ближе к знаку «плюс» и самого прошлого.

Что теперь делать, коли нет уже «того», «нашего» колхоза?! Будем радоваться тому, что он все-таки был у нас таким, каким мы его и хотели. Как есть «свой» колхоз у новых игорех, зоек, галок, санек, наташек, бобов и других, кто сидит сейчас в аудиториях.

Что ж, эта маленькая поэма о факультетской «картошке» в поведении не только хороша, но и нужна в какой-то мере сегодня нам.

Сейчас на всех курсах, начиная с первого, прошли бурные дискуссии по итогам «колхоза-86». Эту страду мы отработали неплохо — заняли второе место по университету. Но мы серьезно думаем и спорим отнюдь не о тоннах и гектарах (убрать и вывезти — само собой разумеется), а о духе, атмосфере и даже нравах «колхоза». Здесь не все пока мнения согласуются, хотя в «колхозе 70-х», вероятно, была своя поэзия, которую нам сегодня не всегда легко понять.

О встречах однокурсников. Каждый год «стучает» круглая дата (5, 10, 15, 20, 25 лет и т. д.) со времени выпуска очередного курса. Все ли встречаются, дают о себе знать? А если и встречаются, то как? Заходят ли на «палубу» факультетскую?

Встречи с выпускниками полезны не только для воспитательной работы. И даже не столько для нее. Факультету нужна постоянная «подпитка» мыслями, идеями, опытом всех, что когда-то его закончил. Каждая такая встреча, беседа, разговор — это чрезвычайно интересное наблюдение за судьбами наших выпускников и их профессиональным становлением; это и утилитарное: что мы делаем не так и чему надо учиться? Такое общение значительно расширяет понятие факультета, выводя его границы далеко за стены четвертого этажа здания на главном проспекте города.

Так что прав Сергей Корниенко — «Надо ехать!» Ехать, не дожидаясь юбилеев, ехать на обычные факультетские будни. А потому — добро пожаловать, выпускники журфака УрГУ!

Борис ЛОЗОВСКИЙ,
декан факультета.
Выпуск 1975 г.

О ДРУЗЬЯХ — ТОВАРИЩАХ

Моему поколению выпускников факультета не хватает жизни, чтобы сделать все, о чем мечталось. Речь о тех, кто поступал учиться до Великой Отечественной и оканчивал после изрядного перерыва. Это в их честь выросли деревья до крыш в длинном сквере вдоль здания университета по улице Белинского, посаженные нашими девушками. Побывайте там, прочтите надпись на памятной глыбе уральского камня.

Мы ЖАДНО включались во все, навстречивая время, потерянное на войне. Во все, что предоставляла мирная жизнь нашему факультетскому братству.

Не люблю, когда все вспоминают большое слово-понятие: коллектив. Но у нас, действительно, был коллектив. Без него не было бы и нас — таких, какими мы стали. Не было бы и того, что мы успели и сумели сделать.

Было ли его завязью наше фронтное братство? И да, и нет. Жора... Георгий Краснов. Он не участник войны по возрасту, но мы его считали своим, однопольным. Было братство детей своего Времени. Оно сплотило фронтовиков и тех, кто жил — работал и учился там, где ковалась такая трудная Победа. Но средоточием нашего коллектива была Журналистика.

А если конкретно, то мы создали, прежде всего, сильный литературный кружок. Более десятка кружковцев — наших выпускников стали писателями. Но — не порывая с журналистикой, с публицистикой. «Издавали», конечно, литературный журнал «Наше творчество», в десяти экземплярах. Тираж начинающих! Сейчас, через сорок лет, листаешь зачитанную тетрадь под обложкой, выполненной в нашей факультетской типографии, и встречаешь фамилии потом именитых в масштабах Урала, в масштабах страны. Забавно, трогательно? Не в этом дело. Думаю о нашей удивитель-

ной — взрослой требовательности чтобы возродить послевоенную журнальную периодику нашего края.

«Заместителем редактора» был Володя Шустов. Практически, мы вдвоем занимали все должности редакционного аппарата.

Володя. Раненный в Курской битве, он еще студентом стал собором «Пионерской правды». Фронтвик — и собор газеты для детей... Студент — и корреспондент центральной печати. Как это, думаю, по сегодняшним меркам?

А Олег Коряков... Еще в офицерской шинели (комзвода в пехотном училище!), уже преподавал на факультете. Самостоятельно разработал курс «История русской газеты». Вдобавок стая еще редактором университетской многотиражки. И вдруг — бросил все!

Ушел в «Уральский рабочий». Сначала литсотрудник, потом зав. отделом, отвесил... Метания, непоседливость? Нет, искренний поиск своего места в журналистике.

Жора был «выпускающим» в многотиражке. Конечно, штатной должности такой не было. Работал по своему журналистскому долгу. Помня толкового и многолетнего ответственного секретаря «Уральского рабочего» Георгия

Краснова, думаешь: не со скромной ли многотиражной газеты начиналось большое мастерство?

Вообще, «Уральский рабочий» — такая это благодатная школа!

Пройдя «Уральский», мои друзья-товарищи оказались в силах, чтобы возродить послевоенную журнальную периодику нашего края.

«Уральский следопыт». Все тот же Володя Шустов, мой зам, потом — шеф редакции. Неутомимый труженик и неистощимый выдумщик, он был начинателем множества замыслов, дух которых ощущается все годы выпуска этого рекордного по тиражу — во всей стране — периферийного журнала.

А начало было трудным. Первое время «на свои любезные» мы покупали скрепки, бумагу для редакции, энциклопедии, толковые словари, атласы, справочники...

Не встречал за свою жизнь более бескорыстного человека, более щедрого на все, чем он обла-

...Жизни нашему поколению явно не хватает. Но живет, не старея, «Уральский», существуют два процветающих журнала. А нас держит дух журналистского братства. Пожалуй, самое главное, что дала учеба на факультете. И это — счастье.

Вадим ОЧЕРЕТИН,
член СЖ СССР и СП СССР.
Выпуск 1948 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Олег Коряков (1920—1976). Выпуск 1941 г.
Георгий Краснов (1928—1985). Выпуск 1948 г.
Владимир Шустов (1924—1978). Выпуск 1950 г.

«ТАМ, НА ФАКУЛЬТЕТЕ...»

Нынче — весной и летом довелось испытать сильные чувства. Я принял предложение быть председателем ГЭКа на факультете. Оказался, образно говоря, «судей-арбитром» на «финише» пути к диплому более ста выпускников — очников и заочников.

Какие же чувства?

Добрые. Чувства радости — от знакомства с молодыми коллегами-тружениками. Желание поработать вместе со многими из них.

И чувства досады. От тех, кто на защите дипломных сочинений или госэкзаменах создавали впечатление людей, вынужденных заниматься каким-то второстепенным делом. Будто параллельно шла у них где-то другая, «настоящая» жизнь.

Впрочем, для нескольких пятикурсников оно так и было: их настоящее и будущее никак не связывалось с газетой. Чужие на факультете. О них с осуждением отзывались многие сокурсники. А что же на это актив курса или комсомольская организация факультета? Деканат, Совет, кафедра... Испытываю горькое недоумение: как и зачем факультет «довел» таких до выпуска? Чтобы показать статистический «вал» окончивших учебу?

Но не о них моя большая тревога. Как профессионал, чувствую

себя лично задетым, когда «шалай-валяй» учится на факультете тот, кто действительно собирается быть газетчиком. Даже добредя до «госов», он так и не уразумел, что университетские годы — главная, исходная часть его профессионального пути. Которую не вернуть, не повторить.

— Это от молодости, от творческой амбиции все... Пройдет, — пытаются успокоить меня товарищи в редакции да и некоторые преподаватели на факультете.

Не утешает. Как все практики, боюсь: не приведи судьба встретиться с таким «молодым коллегой» в редакции! Знаю, как могут подвести газету «одаренные» неведжды и «талантливые» недоучки вкупе со «свободными художниками»... Сложно все это, понимаю. И тем не менее, надо создать на факультете такую учебную, творческую и идейно-воспитательную «ситуацию», в которой студентам — всем, без исключения, просто нельзя бы было не учиться.

Разве может сегодня утешить, когда амбицией, самоощущением или чем-то другим объясняется игно-

рирование выпускником, скажем, теоретической части в практических дипломных сочинениях. Когда за нее выдается куцый экспромт «о своем творчестве». Как будто не было до нас ни истории российской, партийной и советской печати, ни опыта многих поколений журналистов?! Такой дипломник, похоже, не догадывается, что и сегодняшнее творчество-то его представляет интерес, прежде всего, умением использовать профессиональный инструмент, все богатство форм и методов, нарабатанных нашей печатью до него.

Особенно таким недостатком страдают дипломники-заочники. Создается впечатление, что многие из них, научившись «тачать» заметки, не помышляют о большем, ооретя ряд элементарных практических навыков, не заботятся о своем творческом росте.

Буду объективным: порадовало у некоторых заочников умение и тяга к организационно-массовой работе. Продумать и провести на страницах газеты полезный разговор, массовую кампанию, привлечь к ним общественность — они, понимая важность работы с автор-

ским активом, делают это с творческим удовлетворением и полной самоотдачей. Среди дипломников-очников таких, к сожалению, немного.

Наконец, общая проблема тех и других — литературное мастерство. У многих не привит вкус к работе со словом. Надо создавать такие индивидуальные учебно-практические условия, чтобы каждый выработал за годы учебы свой стиль, словарь, манеру письма. Ведь некоторые из выпускников начинают об этом беспокоиться лишь придя в газету.

Думаю: в том ли ключе пишу? Ловлю себя на мысли, что порой, когда в редакциях заходит разговор о факультете, слышится: «Там, на факультете...», «Они, на факультете...» Где это «там» и кто «они»?

Ведь, не доведись оказаться в

председателях, я бы, возможно, не узнал многих этих и других проблем. Нам, практикам, непросто становиться в позу наблюдателей-резонеров. Кто-кто, а выпускники знают, как из «гадких утенков» наши преподаватели выращивали прекрасного лебедя — Человека и Журналиста. Дела факультета остаются нашими делами. Его заботы — наши заботы.

С высоты пятидесятилетнего перелета видны не только неровности пройденной дороги, но я уверен, и дальнейший маршрут. Мы — выпускники и люди журналистского производства должны помочь факультету проложить новую трассу.

Иван МАЛАХЕЕВ,
редактор газеты «Вечерний Свердловск».
Выпуск 1969 г.

ЕСЛИ Б СНОВА НАЧАТЬ...

Студенты-заочники, в большинстве своем, писать умели и до поступления в университет. Я, например, пришел на заочное, уже работая зав. отделом сельского хозяйства в районной газете. Полагал, что здорово «набил руку» на зарисовках о тружениках села и корреспонденциях на экономические темы. Мои материалы охотно печатали и областная газета. Это давало повод считать себя достаточно толковым журналистом.

...Когда пришла пора выбирать тему дипломной работы, долго не раздумывая: конечно, корреспонденция на экономические темы. Цикл выступлений. Уверенный в себе, выслал первые публикации научному руководителю. А он, возьми и сравни их с «заграничными» пластинками. Самое обидное: недостаточный уровень аналитичности... Ну, думаю, свалился на мою голову «теоретик», оторванный не только от «крайних будней» редакции, но и самой действительности. Такой, как я ее привык видеть и отображать.

Не скажу, что сразу же, после первой встречи с руководителем, начал пересматривать собственную позицию. Но задумался, насколько она незыблема и профессиональна. Только тогда я начал догадываться о значении диалектики и вообще — безо всякой высокопарности — научного, философского постижения жизни для журналистской практики. К сожалению, это откровение снизошло на меня на предпоследнем, пятом курсе!

Значит, Михайлов, худым ты был студентом? Нет, студентом я был старательным и обязательным.

Размышляя о своем, «типичном» для студентов моего поколения (а судя по публикациям «Журналиста» — и нынешнего, в какой-то степени), «сдержанном» отношении к философии и вообще теории, полагаю, что это не только наша вина, но и беда. Нам не терпелось побыстрее «повысить» профессиональную квалификацию. Нет, не в том смысле, чтобы скорее заполнить «корочки». Просто представляли мы ее как способность грамотно строить фразы, находить красочные сравнения и интересные детали, выстраивать сюжет...

Спору нет, все это важно для газетчика, но еще важнее — способность за фактом видеть тенденцию, улавливать связи причин и следствий, постигать явления как результат взаимодействия противоречий.

Да, говорить умные вещи в

нужной обстановке мы умеем, научились. А как на деле, в условиях повседневной редакционной практики? Честно: на факультете я да и многие сокурсники пришли уже с «установкой», с крепким стереотипом: «жизнь мы знаем». Нам владели то, что в теории именуются «ползучим эмпиризмом» (сейчас уже полностью преодолен, искоренен!) Наши, самые внушительные по объему, публикации все еще, случается, напоминают моментальные фотографии. Может, в них и верно отражается действительность да только в статике.

И — если б снова начать...

И бы, прежде всего, с самой первой установочной сессии, искал должного общения с преподавателями. И не количественно даже, сколько — качественно; общения целозаданного, специализированного. «Дефицит» общения — у заочников.

Мое мнение: заочная форма обучения оправдывает себя, когда к ней прибегают те, кто уже элементарно профессионален. Подтверждение этому — постоянное и основательное информационно-публицистическое творчество заочника. Вымученные, случайные «разовые» публикации ради зачета — не дело. И тщательный разбор производственных практик — великолепная форма учебной и профессионально-воспитательной работы со студентами-очниками. А как быть с нами, чтобы не повторился, как случилось со мной, парадокс при выходе на дипломирование?

Не знаю, как лучше это сформулировать в учебном плане заочного отделения, но суть ясна: каждому из нас нужен преподаватель-наставник, который бы взял на себя труд наблюдать наше творчество на протяжении всех лет учебы. Мы благополучно сдаем специальные, нормативные и общие дисциплины, защищаем дипломные работы, а что касается уровня нашего мастерства...

Думаю, на факультете не отработаны до конца все учебно-методические «механизмы», позволяющие максимально сочетать текущую редакционную «практику» заочника с глубинами современной профессиональной теории. Необходим синтез того и другого.

Хорошо запомнилась ленинская мысль о том, как должно протекать идеологическое, мировоззренческое становление наших людей — специалистов разных областей. В. И. Ленин подчеркивал, что каждый придет к признанию коммунизма по-своему, т. е. обязательно «через данные своей науки». Такая закономерность вполне распространяется и на нас, партийных журналистов.

Стыдно, но как-то стерлись, весьма в общих чертах представ-

ляются сегодня университетские курсы диамата и истмата. Напротив, запомнился преподаватель курса истории философии. Некоторых среди нас задевало его, как нам казалось, излишнее превеличение роли философских знаний. Почему возникло такое ощущение? Наверное оттого, что содержание двух первых предметов преподавалось как нечто, что действует лишь в общих, глобальных масштабах, никак не смыкаясь с «грешной» — повседневной практикой. И дело даже не в количестве или подборе примеров-иллюстраций. Суть не в степени «наглядности» или «популярности» изложения, но в принципе: в осмыслении преподавателями-«предметниками» (коль они специализируются именно на общении с журналистами) «данных» журналистики т. е. узловых проблем ее теории и творческой практики, роли, места и возможности как особого социального института нашего общества, важного компонента управленческих процессов, специфической сферы социальной активности множества людей — не только профессионалов-журналистов, но и авторского актива, наконец, многомиллионной аудитории.

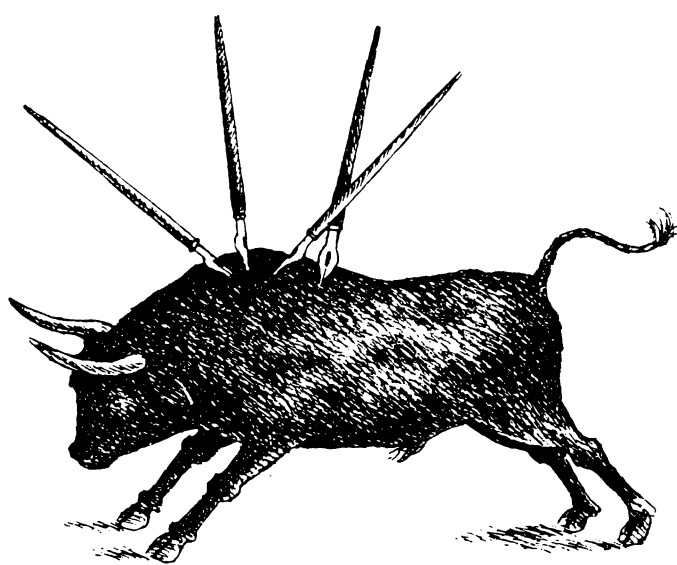
Не было у этих педагогов попыток «выйти» на положения, например, научной теории пропаганды, проблемы формирования общественного мнения. Так, несколько разрозненных ссылок на публикации из текущей прессы.

«Что за конфликт?» — читаю уточняющий подзаголовок материала в одном из недавних номеров «Правды». А действительно: что? В одном случае «за конфликт» — прогнанные «старые связи» людей, исчерпавших свой потенциал, скомпрометировавших себя. Такая ситуация требует от журналиста оценить этот конфликт как явно дезорганизующий фактор. Но ведь есть и конфликты — сложное проявление закона единства и борьбы противоположностей. Всегда ли мы умеем распознать и диалектически оценить проблемную житейскую или производственную коллизию?

И если сводим вдруг ее к плоскому «черно-белому» решению, то всегда ли это идет от недостатка профессионально-гражданского мужества, принципиальности? Зачастую нам не хватает мудрости — научно-теоретической подготовки.

Может, такого «полузнания» было бы меньше, если преподавание теории строилось в прямой связи с проблемными жизненными ситуациями, если бы обществоведы нас больше учили «под философским углом» рассматривать актуальные вопросы, волнующие практиков.

Юрий МИХАЙЛОВ,
собкор областной газеты
«Советское Зауралье»
(Курганская обл.).
Выпуск 1964 г.

ВРЕМЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, ФАКУЛЬТЕТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Что здесь представляется особенно неотложным?

● Творческий потенциал будущих журналистов во многом зависит от отбора абитуриентов. Нам предстоит значительно улучшить эту работу. Думается, трудовой стаж, в особенности — штатной и нештатной журналистской деятельности, должен стать одним из самых весомых аргументов в ходе творческого конкурса.

● Сегодня, когда партия призвала мыслить и работать по-новому, необходимо во многом по-новому строить и учебный процесс. Мы приступили уже к сокращению лекционных курсов и более широкому внедрению активных форм обучения, усилению самостоятельной работы студентов. Таким путем коллектив надеется повысить уровень знаний студентов, сократить время на их вхождение в идейно-профессиональную зрелость.

● Нас тревожат не только «стабильность» академических задолженностей у части студентов, но и положительно аттестованные «троечники», которые недобирают до 40 процентов знаний и навыков, необходимых для будущей работы. На практике это оборачивается некомпетентностью суждений, серостью письма, безынициативностью.

● Нам необходимо усилить индивидуализацию обучения, пристальнее видеть и развивать профессиональные возможности и наклонности каждого студента. Мы должны добиться этого, несмотря на определенные трудности, связанные со сменой поколений в нашем педагогическом коллективе и его малочисленностью по сравнению с другими факультетами.

● Жизнь требует, чтобы и студенческий коллектив факультета был более состоятельным в решении своих учебных, научно-творческих и общественных дел; действовал бы здесь так же решительно и самостоятельно, как, скажем, наш отряд на уборке урожая. Принципы трудового семестра, его лучшие традиции, могут и должны стать опорой организации всей студенческой жизни. Важно, однако, осознать, что это не только право, но и высокая гражданско-профессиональная ответственность нашего студенчества.

Мы уверены, что педагогическому коллективу факультета, партийной, комсомольской и профсоюзной организации, а также первичной организации Союза журналистов СССР не только по силам преодолеть имеющиеся недостатки и трудности, но максимально приблизить обучение и воспитание молодых специалистов к сегодняшним требованиям практики партийной и советской журналистики, творчески выполнить относящиеся к нам задачи перестройки высшей школы.

Валентин ШАНДРА,
заведующий кафедрой теории и
практики партийной и советской печати, профессор.
Выпуск 1952 г.

НАМ ПИШУТ

Еще
не вечер

Что сказать о прожитой жизни — профессиональной и личной за долгие 38 лет после окончания факультета? Я всего-навсего рядовая печатница на периферии — в районах. Стелю эта особая, нелегкая, связанная почти с ежедневными разъездами по району. Сколько приходилось ходить и все пешком. Зябала: однажды, в январскую пору, чуть совсем не застыла. Ночевала в конторах. Не всегда вовремя и поешь. Порой хотелось все бросить: ведь женщина я, мать, жена...

Особенно изнуряла ежедневная необходимость писать — «с колес», не имея времени хорошенько обдумать материал, поработать над фразой, композицией. Видимо, потому и не смогла сделать свои вторую и третью книги. А к творчеству меня всегда тянуло и тянет. Но, измотавшись за день, вечер отдавала семье, а ночью уже нет сил работать над чем-то своим.

Только бросить «окаянное святое ремесло» было невозможно. Оно стало необходимым для меня, как воздух. Снова и снова ехала, шла по деревням, к людям. А людей хороших перевидала много! Их жизнь, у многих такая трудная, давала мне самой жить и работать.

После университета попросила направить домой. Люблю родные места, тосковала по ним в годы учебы. Село — райцентр в Кировской области. «Стахановец полей», тогда еще двухполоска, и я в качестве ответска. В мае 51-го приняла в члены партии. В 55-том назначили редактором в соседний район.

Ах нет! Семья прибывала, родился второй ребенок. А редактор в те годы был, собственно, невылазным уполномоченным райкома в колхозах, месяцами тебя в доме нет. Попросилась снова на должность отв. секретаря. Но тут стали перекарывать наши районы. Чисто вавилонское столпотворение! До сих пор не могу без боли вспоминать то время. Ехать нигде не могла, т. к. ждала уже третьего ребенка. Устроилась корреспондентом по нашему «кусту» (90 рублей да еще 20 — гонорар) от новой райгазеты. Вот тут-то и похолодала! Зимой километром по 25—30 на лыжах, весной-осенью как мужик в болотных сапожках. Но материалы давала аккуратно, почти в каждом номере шла.

В сентябре 60-го у меня четвертый родился. Муж — электрик. Еще перешла к нам жить свекровь, итого: 7 человек.

Обком пошел навстречу: направили меня в другой район на должность зам. редактора. Сами дотраивали наше новое жилье: трехкомнатный дом получили. И вот, 22-ой год уже, как мы в селе Кильмезь.

Здесь тоже по-разному случалось. Из-за одного редактора я вынуждена была уйти. Устраиваться не по специальности? Нет, уже совершенно не могла жить без редакции. Везучая я: как раз искал разведчика корреспондента для областного радио. Дали мне три соседних района да и в другие еще посылали. Два года ездила с магнитофоном. С коллективом комитета сработалась, хотя и бывала в Кирове не часто. Они и дали мне рекомендацию в члены Союза журналистов...

Тем временем знакомца моего — редактора уличили в злоупотреблениях и я вернулась в газету. Честно: интересно радио, но намаялась я колесить по области с магнитофоном. И тяжелые они тогда были, и капризные. Счастье — муж-мастер. Только не вызывать его всякий раз, когда в командировке ремонт требуется.

Сначала в газете работала корреспондентом, потом снова стала замом. И так — до выхода на пенсию. Муж тоже сейчас два года как на пенсии. У всех детей семьи. Внуата. Каждое лето всем таборм наезжают к нам в отпуск. Хлопотно, конечно, но и радостно. Условились теперь: давайте-ка, детки, партиями, в «две смены». Ничего, «своя ноша не тянет».

И все, выходит, на этом? Орденов не имею. Медаль «Ветеран труда». А грамот много. Что же еще было?

Активно сотрудничала в областной печати. Кроме корреспонденций, статей печатала рассказы и новеллы. Все о людях села. За цикл очерков была удостоена премии. По всесоюзной программе «Земля и люди» прозвучали 16 моих передач. Некоторые, наиболее удачные, потом транслировались повторно.

Да, руководила райотделением общества «Знание». Тогда это было на общественных началах. И общественно-гуманитарное. Возглавляла районный фонд мира (берегу Почетную грамоту, подписанную самим Борисом Полевым). Много лет была членом комитета народного контроля. Более десяти лет — секретарь парторганизации в редакции.

А сколько прочла материалов в областной партакхиве и в подшивках старых газет! Сколько рассказов ветера...

Д АЖЕ не верится, что журналистика была когда-то преимущественно «мужской профессией». Феминизация не могла обойти стороной и наше многотрудное дело. Хотя—Лариса Рейснер, вон ведь когда промелькнула прекрасной кометой на газетном небосводе. А уж сейчас, в наш цивилизованный век, нет области, где мы спасовали бы перед коллегами-мужчинами. Даже кинематографисты стали чаще показывать девушек-журналисток...

Когда-то в «Комсомольской правде» была блистательная плеяда женщин, которые стали нашими учителями. Они преподносили не только уроки профессиональные, но и нравственные, этические. Нина Александрова, например, говорила:

— Пишите так, чтобы не совестно было после встречаться со своими героями и антигероями.

Это значит — будьте правдивыми, честными, руководствуйтесь законами совести.

В редакции сейчас все реже слышишь фразу: «Это написано по-женски». Реже потому, что мы стараемся не уступать мужчинам в умении анализировать, идти вглубь, освободиться от сентиментальности, красивостей. Хотя бывает: именно «женский» материал выигрывает от того, что он более эмоционален, в нем бьется живая душа. И все же, милые девочки, отчего не особенно радуются в приемной комиссии, когда вы дружными рядами штурмуете факультеты журналистики? Отчего скисает редактор газеты, в которую вы получили назначение? «А парней у вас там нет?»

«Антидамский» стереотип мышления? А может и с нами не все в порядке?

УРГУ — это суждение самых разных людей — известен тем, что его выпускники и, заметьте, — выпускники отличаются стойкостью и трудолюбием. В том числе, выпускники нашего факультета. Но начала сейчас перебирать в памяти своих однокурс-

ниц... Эта — много лет в библиотеке, та — давно «переквалифицировалась». Следы других затерялись вообще, т. е. их нет в журналистике.

Думаю, неудачи многих происходят от того, что девочки (да мальчишки) — не только выпускники школ, но даже и те, кто уже получил первую трудовую закладку в жизни, все же плохо представляют, что такое журналистика. Не обойду здесь и некоторых из тех,

ПРОВЕРЯЙТЕ СЕБЯ...

кто приходит на первый курс, имея за плечами известный опыт работы в редакциях, сотрудничеству с ними. Они бывают, порой, очень трудными для факультета. Зараженные ремесленным практицизмом нашей профессии, удовлетворенные своим «нормальным» сотрудничеством с печатью и РТВ в годы учебы, они бывают довольно безразличными к тому высокому — теоретическому и практическому постижению профессиональной культуры, которую дает им факультет.

Эта культура не в представлении о некой, зачастую, — ложно понятой, престижности нашей профессии. И не во владении некоторыми приемами, способами, формулами труда. Постигание профессиональной культуры заключается, прежде всего, в понимании

тяжкого, по-особому ответственного характера нашей работы. Она требует не только безусловных литературных способностей, но и способности зрело размышлять над быстро текущей жизнью; уметь различать истинное и ложное, защищать это истинное, самоотверженно и мужественно. Жаль, что в информационных рекламках для абитуриентов факультета не принято предупреждать, что коль не готов к трудному гражданскому пути-служению, к самоотречению подчас, то лучше не искушать

судьбу, а выбрать что-то другое. Написала: «к самоотречению подчас...»

Мои младшие подруги, вы достойны настоящей личной, семейной радости в жизни! Она должна сопутствовать вашей профессиональной деятельности. Но слышали не столько обидное, сколько грустное суждение: «В своем деле, на работе, она — умница, а вот, как женщины, жаль, — не особенно пойдешь, везло...»

Рецептов журналистского «женского счастья», увы, прописать не могу. У каждой из нас оно складывается по-своему. И все же пишу про это, потому что знаю: кто из нас «по личным причинам» не договорил своего слова в журналистике, а то и совсем не сказал его, хоть и получил диплом. О чем думалось, когда шли на факультет, зачем пять лет занимали место? Начинайте же теперь, не откладывая, своим «женским умом» думать и поступать так, чтобы в скором будущем вы вполне состоялись как журналистки и как жены, матери.

И еще одно. В молодости мы — максималисты. А приезжаешь на работу, получаешь задания, и начались будни. Такие длинные будни. Пишешь и вдруг ощущаешь: как же это не похоже на то, что ты ожидал (а). Не уставайте от каждодневной рутины. — вот, может быть, первый совет вам, студенты-журналисты. Умейте подняться над ней, накапливая наблюдения, учиться размышлять, а главное — всегда будьте любопытны и любознательны к людям. Если это уже заложено в вас или будет, поверьте, в свой «положенный час», вы как бы вдруг — оторветесь от «дежурных», проходных материалов и сумеете выступить «во весь голос».

И все-таки, что по-настоящему помогает нам стать бойцом-защитником, творцом-первопроходцем?

Люди. Проверяйте себя постоянно на людях и в людях. Открыли они мне сердца? Поведали свое сокровенное? Умею ли я слушать их, т. е. проникаться их заботами, делами и не «по заданию редакции», а по собственной внутренней, душевной потребности? Понаблюдайте: хочется ли вашему собеседнику поделиться думами, наболевшим с «приезжим умным человеком» — корреспондентом? Подумайте, что стоит за расхожими суждениями журналистов: «не раскрывается как-то герой...»

Проверьте на себе мое суждение: вы обогатите человека, доверитесь ему, он — доверится вам, во сто крат обогатит вас.

Всех помню, кто дарил радость общения. Каждый на свой лад. Постарайтесь и вы понять простого человека. Не возвращайтесь из командировок с пустым блокнотом и — пустой душой.

Сейчас журналистика требует все больше настоящего знания предмета, а значит — самой жизни. Писать сегодня нелегко. Спокойной жизни нет. Есть постоянный поиск, раздумья, тревоги.

И все-таки не жалею, что в один прекрасный день деревенскую девочку из Башкирии осенило подать заявление в Уральский университет. На факультет журналистики. Какие яркие, уверенные в себе девушки были тогда на факультете! Мы — деревенские, поселковые «серые птички» терялись в их тени. Нас не всегда видели, примечали... Мои сегодняшние «серые пахи» из глубинки, не робейте, не сдавайтесь не пасуйте.

Капитолина КОЖЕВНИКОВА, обозреватель отдела экономики «Литературной газеты». Выпуск 1948 г.

Судьба моя, журналистика

Вера Ткаченко — очеркист «Правды» окончила наш факультет в 1950 г. В сборнике «Солдаты слова. Рассказы о ветеранах советской журналистики» (Книга четвертая, 1983) опубликованы ее размышления о профессии — «Судьба моя, журналистика».

Творчество В. Ткаченко стало темой исследования другой нашей выпускницы Людмилы Костенко. Она встречалась с Верой Макаровой, выполняла содержательную дипломную работу, опубликовала статью. Редакция печатает в сокращении выдержки из этой статьи — некоторые суждения автора об особенностях публицистики Веры Ткаченко, запись бесед с ней.

«В. Ткаченко глубоко убеждена: слова не кажутся новыми. Когда же в разговоре со мной Вера Ткаченко повторила: «пишу о человеке — в него влюбляюсь», — захотелось уточнить: «Вы себя заставляете и равнодушной рукой. Лишь лжете?» — «Нет, так выходит. Это, что пережито тобой, автором, может взволновать людей. Эти

Однажды во время творческой дискуссии в Центральном Доме журналиста она сказала: «Я постоянно пишу о скромных, «неуникальных», «маленьких» людях и не негодует открыто. В. Ткаченко просто констатирует факты и размышляет над ними, но не делает своих плечах держат все же они, это с такой сердечной болью, а а не гении-одиночки. Я не согласна, что есть неинтересные люди, и негодует уже сам читатель, за детей за живое...»

Я спросила у нее: — Есть ли у Вас стереотип ведения беседы? — Не абсолютный и не лучший. Но часто срывается. Представляюсь, говорю о цели приезда и сколько времени у героя отниму. Сажусь с блокнотом и начинаю (Окончание на 6-й стр.)

* Л. Костенко, Вера Ткаченко и ее герои. В творческой лаборатории публицистики/Актуальные проблемы совершенствования средств массовой информации и пропаганды. Свердловск, 1985.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ОДНОКАШНИКУ

Нам давали уроки отличные, Как за правду вставать без команд... А выходит, что правда обычная, — Это тоже от бога талант.

Кто ее донесет ту, отважную До низин и высот бытия? Кто поможет очиститься каждому? — Может ты, может он, может я.

Мы за новостью гнались от новости, Будоражили волнами штиль. Но, быть может, — жить просто по совести, — Это главная новость и стиль.

В схватках жизни мы были пехотой, И в азартной сумятице дней, Может быть, и любили кого-то мы, — Но газету любили сильней.

Оглянуться успеть бы на скорости: Кто ты есть в журналистском доме? Не прилипли бы подлость и корысти Ни ко мне, ни к тебе, ни к нему!..

И всевышнему слава хранителю, Что нас минул тшеславья угар, Что похвальное слово учителя Был нам самый большой гонорар.

Повезло нам, что в жизни, как водится, Обрели и друзей и врагов: Есть кому о душе позаботиться, — О моей, о твоей, о его.

Пишем скромные будни истории, От элитных высот далеки. Но в своей весовой категории Мы команде приносим очки.

И пока мировыми печальми Мы живем, за державу скорбя, Жизнь не спешит в архив нас нечаянно, — Ни его, ни меня, ни тебя.

Нам не надо ни поэмы, ни святости, Нам бы знать, что надежней всего — На земле прибавляется радости От тебя, от меня, от него.

Так хочу, чтобы мы были с первыми, Кто сумеет сказать без затей: Хоть мы нервными были, но верными И себе, и команде своей.

В паруса нынче ветры нам славные. Пробивается к свету лада! И не только болящая, державная, — А твоя, и его, и моя!..

Мы скромны, как стандартные здания, Но пусть нас, по прошествии лет, За негромкую верность призванию Вдруг узнает родной факультет!

Давид ЛИВШИЦ, заместитель гл. редактора журнала «Уральский следопыт». Выпуск 1952 г.

ВСЕГДА БОЛЬШОЙ КОНКУРС

КТО-ТО ИЗ СОКУРСНИКОВ НАПОМИНИЛ: «БРАТЦЫ, А ВЕДЬ УЖЕ ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ ВЫПУСКА. МОЖЕТ, СЪЕДЕМСЯ В СВЕРДЛОВСК?» ЕГО УРЕЗОНИЛИ: «ПЯТЬ ЛЕТ — ЕЩЕ НЕ ДАТА...»

ПРОШЛО ЕЩЕ И ЕЩЕ ПЯТЬ ЛЕТ, НО НАША ВСТРЕЧА ПЕРЕНОСИЛАСЬ. НЕДОСУГ? НЕ ТОЛЬКО И НЕ ТОЛЬКО ДАЖЕ. ИНОГДА Я ДУМАЮ: КАК ЭТО НЕПРОСТО — СОБРАТЬСЯ, ПРИЙТИ НА ФАКУЛЬТЕТ И ЧЕСТНО, БЕЗ ПРИКРАС, РАССКАЗАТЬ САМИМ СЕБЕ И НЫНЕШНИМ, КТО СЕЙЧАС В АУДИТОРИЯХ, КАК СЛОЖИЛАСЬ — НЕ СЛОЖИЛАСЬ ТВОЯ СУДЬБА В ЖУРНАЛИСТИКЕ, ЧТО УДАЛОСЬ, А ЧТО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ. ТАКИЕ РАССКАЗЫ НАВЕЛИ БЫ НА РЯД ЕСЛИ НЕ ОТВЕТОВ, ТО ВОПРОСОВ О ПРОФЕССИИ, ЕЕ ПАРАДОКСАХ.

НУ, СКАЖЕМ, почему некоторые кумиры наших студенческих лет так мало сделали, а то и вовсе позабылись? Почему кто-то из коллег, распылившись в своей преданности профессии, ушли из нее, предпочтя попроще, где нет лозунга «Срочно в номер!» Специфика нашего профессионального образования да и самой профессиональной практики в том, что...

...они открывают возможность самоутверждения — быстрого и легкого.

Так заметил В. П. Житков — сам настоящий газетчик, редактор нашего журнала «Журналист».

В акте самоутверждения, разумеется, нет ничего предосудительного. И неплохо, если такой процесс свершается достаточно быстро. Проблема, парадокс в другом: а что за личность демонстрирует свое самоутверждение на попроще журналистики? Кому мы даем «пропуск» в профессию? Кого мы «нечаянно» провели в журналистику!

Еще одно наблюдение. Мой знакомый, человек склада и занятий сугубо практических, попав впервые в редакцию большой газеты и наслушавшись сразу так много умного, серьезного и всякого разного, вздохнул: — Мир приманчивый, но и... обманчивый.

Не знаю, как сейчас, а в наши времена учиться «на журналиста» было не только престижнее, но, признаюсь себе, — по-своему легче, чем на кого-то другого. Каж-

дый волен был брать в свой духовно-творческий да и общеобразовательный багаж столько, сколько хотел. Сколько «входило».

Я вовсе не намекаю на то, что в годы учения нас де «недогрузили» какой-то «технологией», крайне необходимой для качественной работы-творчества в нашей массовой профессии. Чтобы быть правильно понятым, снова обращусь к «случаю» из собственного опыта.

В прошлом, когда работал в другой редакции, знакомые попросили меня посмотреть один очерк «со стороны». При всей сырости материал понравился, я позвонил с автором и очерк подготовили к печати, опубликовали. Автор был... Ну, словом, не журналист по образованию, но человек без литературных способностей, ходивший в околоредакционный мир, хитрый и искренне, с пониманием, интересом, притягиваю-

щийся к нашей «кухне». В момент нашего знакомства он находился «между небом и землей», а редакции нужен был сотрудник.

Приняли. Скажу сразу: ничего, кроме конфуза, не вышло. И главным образом, понятно, для меня. Как я мог позабыть профессиональную азбуку? Про то, что написать «в охотку», «по вдохновению» очерк, даже отличный, — это одно. А «выдать строки», изо дня в день организовывать и редактировать, варьировать в текущей, смене ситуаций, — совсем даже другое дело. К этому мой протеже не был приспособлен. Нет, не так даже: не хотел, не желал приспособляться!

К чему говорю об этом?

Да к тому, что будучи внешне привлекательной («приманчивой»), уже в силу самого своего характера — сугубо общественного, журналистика — и школа, и практическая деятельность — порой оказывается открыто беззащитной перед лицами, безусловно, не без способностей, с общественно-активным темпераментом даже, но, увы, — не журналистами по призванию своему.

Трудно воспитать в студентах понимание тонкостей жанра, чувство стиля и слога, осмысленное усвоение теории печати и логики истории журналистики. Но самое важное для преподавателей — воспитать в нас зачатки профессиональной психологии и профессионального характера. Чтобы это на деле соответствовало формуле

профессиональной квалификации в своем дипломе. Или же — вовремя распознать людей «обманчивых» — не журналистов и расстаться с ними. А как иначе?

В заключение — еще парадокс и особый аспект современного воспитания нашей профессиональной психологии и компетентности.

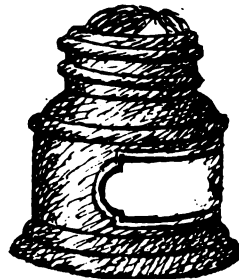
Главврач больницы это — врач. Начальник шахты — горняк, строики — строители. Руководит же газетой, бывает, человек как с образованием и призванием журналиста, так и вовсе без. А если последнее, то какое особое значение они могут иметь в его глазах?

Насколько подготовлен выпускник факультета к возможной деятельности на посту редактора, ответственного секретаря, зав. отделом? Конечно. Конечно, нужен и достаточный практический стаж работы. Но подготовлен ли выпускник к этому методически, в профессионально-этическом смысле, понимает ли он, хотя бы теоретически, искусство руководства редакцией?

Пишу об этом, отнюдь не сомневаясь в том, что «плох тот солдат, который не мечтает...» Просто назрела образовательная необходимость прививать уже в годы учебы культуру профессионально-производственного мышления на уровне общередакционных категорий, формировать у студентов понимание оптимальной расстановки сил всего творческого коллектива редакции, принципы подбора кадров, даже — понимание назначения конкретного комплекса СМИП (напр., в масштабах области) в процессах и структурах социально-информационного управления обществом.

...Всегда большой конкурс на факультеты журналистики. А в самой нашей профессии? В ней постоянно, каждый день продолжается свой конкурс-отбор на пригодность. И он жесточе университетского.

Руслан ЛЫНЕВ,
обозреватель отдела промышленности и транспорта газеты «Известия».
Выпуск 1966 г.

увидеть и выразить? Вряд ли. Одно предположение беспокоит меня. Это неспособность сказать. Это — желание не сказать. Ведь подлинное открытие в публицистике как и всюду, во всех сферах жизни, рождаются на свет в муках. В преодолении всяческого сопротивления, весьма нередко — редакторского, издательского. Вторжение в новую тему не судит скорых лавров. Необходимости открытия новых социальных материков — вот, на мой взгляд, самая острая, самая насущная проблема сегодняшней публицистики.

То, что нравственность (или — безнравственность) в производственных отношениях питается прежде всего фактами экономической действительности, для очеркиста уже не открытие. Видно, мало выгнать из огорода козла, чтобы сохранить урожай капусты. Видно, дело не только в людях и в их сознании, но и в обстановке, в которой живут, действуют и работают эти люди. Надо быть слепым, чтобы не видеть удивительное единообразие в поступках самых различных людей, действующих в сходной обстановке.

Эти строки из книги авиаконструктора О. К. Антонова. Писано для тех, кто успехи выводит лишь из трудолюбия, добросовестности людей, а ошибки и просчеты приписывает только «недостатку» сознательности, «непониманию задач», «отсталости» и прочим субъективным причинам.

Да, человек — творец, и комбайн, как бы ни был хорош, а сам не поедет. Но когда, получив новую (только-только с конвейера) технику, комбайнер кувалдой доводит ее «до кондиции», нам следует не хвалу воздавать изобретливой изобретательности механизатора, а спрашивать строго с тех, кто оставляет после себя безбрежный простор для подобного «творчества».

Впрочем, кого это занимает. Репортера — подвиг пожарного. Публициста — вопрос: почему горит? Того, кто способен задать этот вопрос и вместе с читателем ищет ответа, ведет ясное, не искаженное никакими соблазнами понимание своей гражданской миссии. Оно выражает себя отточенной формулой Анатолия Аграновского: будить общественную мысль. Будить. А не усыплять.

Валерий ВЫЖУТОВИЧ,
специальный корреспондент «Литературной газеты».
Выпуск 1974 г.

НАМ ПИШУТ

(Окончание.
Начало на 4-й стр.)

ранов труда, первых коммунистов и комсомольцев записала. Вот и получились очерки истории партийной и комсомольской организаций в районе. Ими охотно пользуются наши пропагандисты. Немало собрала и опубликовала в газете материалов вообще по истории нашего района. В бюро Совета ветеранов предложила организовать историко-собирающую комиссию. Меня живо и сосватали: избрали председателем оргкомиссии по созданию общественного историко-краеведческого музея в районе. Опять, на старости лет, езжу по деревням, собираю экспонаты. Интересно сколько находим! Бьемся сейчас, чтоб для музея выделить свое помещение. Уверена, битву эту выдержим, выиграем и музей будет! Это очень нужно для молодежи. И чтоб в экспозиции были разделы не только о прошлом, но и будущем района. Вот только рукопись «Фляги» в данный ящик забросила. Многолетняя она у меня какая-то. Боюсь не потерять бы к ней интерес. А может, просто устала за лето и осень? Некогда писать было.

Нет, жить надо, жить! Ведь «еще не вечер», правда?

Людия ЕСИПОВА,
Ветеран труда.
Выпуск 1948 г.

* В 1962 г. Кировское издательство выпустило книгу Л. И. Есиновой — повесть «Первые тропы». Она была положительно встречена читателями и критикой. «Фляга» — рукопись другого художественного произведения. Искренне желаем Людям Ивановым здоровья, сил, чтобы довести работу над ней до конца. — Ред.

Урок воспитания

...Лекции, в основном, были интересные. Правда, «старичкам», кто до университета успел поработать в редакции, иногда казалось, что «все это мы и так знаем». Преподаватели в большинстве своем опытные газетчики — это понимали и подтверждали теорию своим поучительным опытом. Словом, примеры брали не только из текущей периодики, но и собственного творчества. Вот эти, казалось бы, «отступления от темы» не только запомнились, но и пригодились.

...Помню, нас удивляло: куда столько «техники производства и оформления», «организации работы редакции»? Ныне я — ответственный секретарь. Естественно, далеко не все наши выпускники связаны с редакционной «кухней». И все-таки, как надо современному журналисту, начиная с корреспондента, уметь видеть не только свой материал, но «оркестр» всей газеты — композиционно-графическое лицо и внутреннюю, содержательную организацию (или — диссонансы) в целом. Позор, когда на летучке, обзорной номере, коллега роняет: «сморщился», «не читается», «читается» — «не читается». Это все равно, что претендовать на водительские права, не зная, как устроена машина.

... Когда мы узнали, что предстоит курсовая работа по русскому и стилистике, многие усмехнулись: сочиним что-нибудь... А взялись за ее подготовку и поняли, как все это не просто.

Курсовая подавалась по программе на I курсе. Почему не на IV или III-ем курсах? Ведь наш подход к языку и мера владения им с годами учебы становилась все более осмысленной, самостоятельной и творческой.

... Мы выношу комплиментарщины. И думаю, способна вовремя ее распознать, предостеречь товарища по перу от ошибок в оценках. Мы вынесли с факультета чувство и понимание объективной «еще не ценности».

В редакциях порой царят снобизм, зависть, обиды, высокомерие, казенная субординация либо наоборот — поощряется показная «говорливости», панибратство, кокетничанье «прожареном» и прочие школярские замашки. Сталкиваясь с подобным, тоскую по особой атмосфере факультета — атмосфере дружбы, понимания, поддержки и уважения человеческого достоинства. Существовала, а бы сказала, обстановка семейной заботы друг о друге, не искаженная высокой взаимной требовательностью. Это тоже осталось для нас уроком профессионального воспитания.

Нина ЯКИМОВА,
отв. секретарь редакции «Огни Арктики» (пос. Мыс Шмидта).
Выпуск 1979 г.

Какие они?

Интересно все-таки, что за люди идут нам на смену? Какие они?

Валентина ПРОТАСОВА,
редактор редакции пропаганды Астраханской студии телевидения.
Выпуск 1952 г.

БЕЗ ЗВОНКА НА ПЕРЕМЕНУ

Чем дольше работаю, тем труднее. Но одиннадцать лет в центральной прессе, общение с мастерами кое-чему научили. Во всяком случае я твердо усвоил, как работать нельзя. Остальному придется учиться, по-видимому, всю жизнь.

Эти заметки написаны не в один присест. Тут размышления и наблюдения, которыми делился в дискуссиях о публицистике, на встречах с читателями, в выступлениях перед коллегами. Я собрал их под общим заголовком в скромной надежде, что таким образом возвращаю родному факультету малую толику долга в виде усвоенных уроков. И тех, что преподаны были в университетских стенах, и тех, что, работая в газете, продолжаю получать по сей день. Без звонка на перемену.

Авторитет в нашем деле — величина непостоянная, подверженная колебаниям литературной моды, веяниям и диктату времени. В конце сороковых для многих, пишущих о селе, притягателен был пример «Кавалера Золотой звезды» и его автора. После «Районных будней» общественный взгляд на современную деревню куда как прозрел. Творческой ориентацией на «правду, ничего, кроме правды», освещены первые успехи Юрия Черныченко. Анатолия Стрельного, целого поколения начинающих авторов, пошедших за В. Овечьими, а в чем-то и дальше него.

Разумеется, сотворение кумиров — занятие столь же бесплодное, сколь и небезопасное. Но я о другом. О примере мастера. Я учился мастерству у Бориса Самуиловича Когана. Это была настоящая школа. Все, что говорилось им с кафедры, все, что выходило из-под пера его, было по сути своей публицистично.

Учителем был и останется для меня невольно ушедший от нас А. А. Аграновский. Его знаменитое «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает» — литературное заветное публицистам всех поколений. Школа Аграновского — это умение додумывать до конца, добираться до сути. Школа Аграновского — это не писать того, во что не веришь. Школа Анатолия Аграновского — это прежде всего мысль. Незатертая, острая, социально значимая.

В одной из дискуссий критик бросил упрек публицистам-аграновкам: не своим делом занимаетесь! «Как лучше сеять пшеницу и убирать картошку — забота агронома...» И, очертив запретную зону, куда публицисту вход заказан, определил очерку сферу вторжения: душа человеческая. И такая тре-

петная ее материя, как совесть. Чтоб чувства добрые ты лирой пробуждал... А как пахаты и когда долить, агрономы и зоотехники как-нибудь разберутся. Вот оно как обернулось. Не пуская публицистов-«деревенщиков» в круг хозяйственных проблем, критик, возможно, сам того не желая, логикой собственных рассуждений заодно переключает путь публицистам «моралистам» в круг проблем нравственных. Потому что накладывает «вето» не столько даже на тему, сколько на сам принцип подхода к ней. На строгую научность взгляда, вооруженного глубоким и совершенным знанием предмета, без которого публицистика не способна осуществлять свою учительскую,

проповедническую миссию, а рожденные в невежестве строки есть верное, не прощаемое читателем шаманство. Кто знает, тот не витийствует. Некогда успеть бы о деле. Дилетанту — тому «живописности» куда как милее. Дилетантизм сулит легкую «проходимость».

Бряцающих на лирах больше, чем бьющих в колокола. Вопрос в другом: кто нужнее?

Критика об очерке того же Ю. Черныченко «Про картошку»: «Высококвалифицированное исследо-

вание, составившее бы честь целому институту картофелеводства».

В похвале, однако, и пожелание-подтекст: не учи ученого. На это один мой товарищ по перу отреагировал таким образом: «...если специалисты и хозяйственники по должности проблеме как следует не решают — что, как мы знаем, случается, — то публицист главный удар принимает на себя». То есть, будь специалисты-хозяйственники и ученые порасторопней да посмекалистей, и писал бы автор тогда не «Про картошку», про что-нибудь другое.

Бог мой, да разве ж в этом дело! И «ягнучи» специалисты, и ученые им не занимать, и про картошку, и про все остальное знают не хуже, может, и лучше публициста — что с того? Как ни умны ученые, как ни сведущи спецы из министерств, районные руководите-

ли, колхозные председатели, бригадиры, доярки, комбайнеры, а публицист никого не заменяет, и сам он незаменим. Ибо настоящий очерк, статья, репортаж несут ту устремленную свежесть и независимость взгляда, какие и не снились никому министерскому или региональному оку, затуманенному пеленой ведомственных, местных соображений.

Это что же, с моей стороны: тоже рекомендации вам? Этакие «советы постороннего»? От писания — к предписаниям? Нет, что-то, а инструктаж — занятие не для литератора. Исследовать же значит наставлять. Между прочим, занятая закономерность. Чем более сведущ публицист, тем менее склонен он к советам и наставлениям. И, наоборот: чем скромнее познания пишущего, тем диативнее тон.

Мне кажется, все ощутившее дефицит открытий в публицистике. Сборник или очерк, неспособные удивить читателя, обновить его представления о жизни и самом себе — скучны, бессмысленны.

Однако не обмельдел пока поток произведений, открывающих все и всем ведомое. Уже пережеванные десятилетия сотнями публицистов. Неспособность

НАМ ПИШУТ

Восстановим традицию

Прошло два года, как закончен университет, а меня все еще тревожат «студенческие» сны: суматошные брошки в библиотеку, какие-то перебежки по переходу в пристрой... Нашему брату-заочнику всегда не хватало времени успеть взять литературу, занять место в читалке, вовремя перекусить в столовой.

А то, словно наяву, одолевая лестницу на четвертый этаж — знакомый коридор, полутемный холл и «наша» 412-ая. Слышу звонок и в дверях аудитории появляетесь вы, Учителя...

Мне искренне жаль тех среди нас, кто хотя и согласен, что университет дал нужные знания, все же, получив диплом, сразу куда-то исчез, растворился. Факультет для таких был неизбежен, но как эпизод лишь в ряду многих других в нашей динамичной жизни.

Нет, университет, если говорить всерьез, это — только раз и «на всю оставшуюся жизнь». По-настоящему его окончили те, кто нашел, открыл для себя Учителей и перенимал от них гораздо больше, нежели одни «нужные знания». Наши Учителя, ваши мысли и раздумья, ваши характеры — с нами. Учителя, мы добиваемся и уже добились чего-то. Нами движет многое, но среди всего и совесть — сознание, что вы помните нас, так надеетесь, верите в нас, ждете от нас Дела. Мы стараемся не подвести вас и Факультет.

Но одним поражен: как случилось, что «следопыты» — нынешние студенты факультета, работники университетского музея да и вы сами, Учителя, разсыпаете нас?! Что мы — «без вести пропавшие» в редакционной сутолоке? Какой ты «выпускник», если тебя надо «искать», упрашивать «откликнуться»?

На одной из встреч с вами, Учителя, я узнала, что существует добрая, стародавняя университетская традиция: каждый воспитанник сам, безо всяких деликатных напоминаний, ежегодно (под Новый год, например) обязательно уведомляет свою «Альма-Матер»: жив-здоров, работаю там-то, семья растет, сотворил то-то и то-то. Учителя, прошу вашего мнения относительно...

Каких-то полчаса хлопот, несколько абзацев, написан знакомый адрес и опущу конверт в почтовый ящик.

Пишу об этом намеренно именно в канун 50-летия. Не велика, мой однокашник, наша любезность вспомнить про факультет в связи с «круглой датой». Обращаюсь к тем, кто считает себя воспитанником факультета: восстановим традицию! Будем помнить факультет не только в юбилей, но и будни. Уральский университет, Учителя заслужили благодарного и постоянного ученического внимания!

Айгуль ОМАРОВА,
сотрудник районной газеты
«Нуринский хлебороб»
(пос. Киевка, КазССР).
Выпуск 1984 г.

20 лет
спустя

Мы тоже были студентами. Мы тоже неправильно понимали образ своей будущей профессии. — Стоп, машина, — скажешь себе через сколько-то лет. — Так я уже начинал репортаж. Точно с этой фразы. А так уже заканчивал, точно этими словечками...

Грампластинки, как известно, необходимо время от времени переворачивать, иначе они скоро становятся заигранными. А нам надо много уметь в своем деле, иначе... Научиться, если не всему, то многому, еще на подступах к профессии — уже в студенчестве. Если даже не научишься, то, по крайней мере, представлять, понимать многое в профессиональной практике.

Надо — выходишь в кадр в теле-репортаже. Надо — составляешь экспресс-бюллетень в отделе научно-технической информации. Надо — смактуешь полосу, разметишь заголовочные шрифты. Надо — положишь на стол сценарий публицистического фильма. Надо — редактируешь рукопись в издательстве. Надо — записываешь радионтервью в бригаде...

Всеядность? Шатания? Нет, — вооруженность. Это — горизонты СМПП сегодня и на будущее. Опасно заглянуть ныне нашу профессионализацию в узкий школьный пенал какой-то одной специализации.

Спасибо говорю газете. Она погнала меня по командировкам вдоль Чуйского тракта, до самой монгольской границы. Спасибо кино. Это зарубки в памяти о камнях и ледниках Катуня, о Ясной Поляне, о стрелках Саяно-Шушенской ГЭС...

Хватит. У многих однокашников

СВОЯ «БОЛЬШАЯ МАЛЕНЬКАЯ...»

Диалог ведут журналисты Анатолий Долженко — Д. и Семен Шор — Ш. — Ред.

Ш: Ни в годы учебы, ни за 8 лет работы в городской газете я не планировал себе многотиражной стези. Создавать — укреплять многотиражку стройтреста пришлось по направлению горкома партии.

Д: Подобное и со мной. Проработав в городской, областной и военной окружной газетах, был утвержден редактором многотиражной. Не берусь выводить из нашего с тобой опыта какую-то закономерность, но трудности работы в многотиражке преодолеваются легче, когда уже есть опыт сотрудничества в редакциях других уровней.

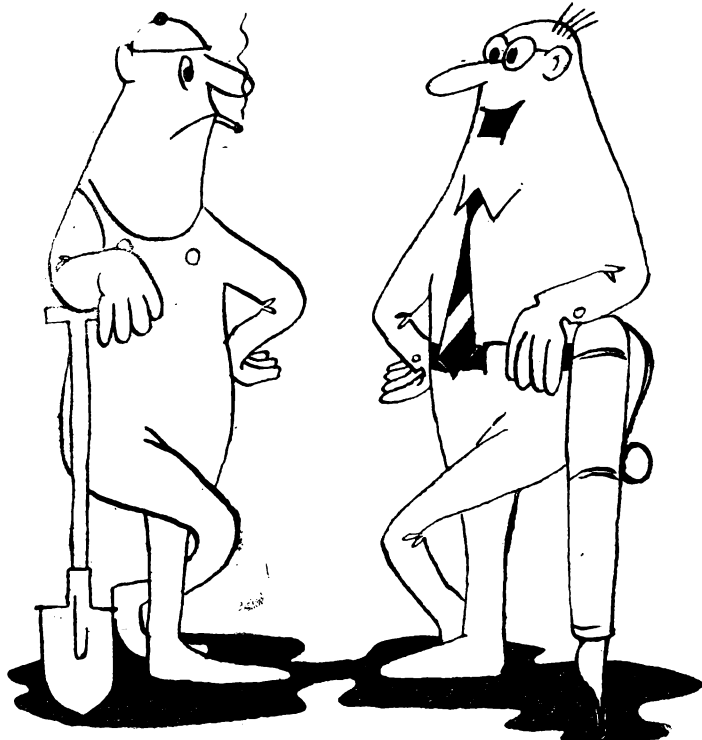
Ш: Дело еще в твоей собственной профессионально-творческой установке, твоей гражданской «заданности». Одному хватит проработать в многотиражке год, другому — три и т.д., а кому-то следует начать сразу с районной, городской, а может, — даже с центральной печати.

Д: Последнее, пожалуй, — для редких индивидуальностей. Обычному (но не «среднему» — посредственному) выпускнику факультета школа многотиражки просто необходима.

Ш: Согласен. Сколько я знаю, ни один думающий, «выросший» из многотиражки журналист не скажет, что это было потерянное время. Не впадая в ложный пафос, она — школа изучения жизни и души трудового коллектива. На всех его уровнях — от непосредственных производителей до направляющего «четырехугольника». Постигаешь эту душу и человеческие отношения так, как ни в одной самой длительной командировке, хоть даже от «толстого» литературно-публицистического журнала.

Д: Агитируешь?

Ш: Нет, я далек от излишних восторгов, но и страхов. Много-

тиражная печать — это реальность нашей современной и завтрашней периодики. И относится к ней надо, как к реальной области приложения молодых (и не только) квалифицированных журналистских сил. Тем более, что она будет совершенствоваться как и другие отряды газет.

Д: Слушаю тебя и думаю: а кто из сотрудников большой газеты второй, третий, пятый раз возвращается к своему герою? Разве если тот уж очень значителен... У нас — иное. Познакомил читателей с девушкой — только-только из техникума. Через полгода встретил ее в цехе, поговорил. Другой поворот: молодые рабочие и наставничество... А на лыжные? В молодежном общежитии? На бригадном собрании. Через пять лет, смотрю: пришла на торжественный вечер, в костюме, с орденом. Многотиражка интересна тем, что можно с летописной тщательностью следить

за всем важным для конкретного коллектива и для судьбы конкретных людей. Твоя творческая сопричастность предельна: помогаешь налаживать, подталкивать процессы, тактично, исподволь направлять человека, вместе с ним строить его жизнь. Только бы сил у самого хватило...

Ш: да, пугают порой: «не исписался еще?» «Смотри, выдохнешься...» На меня, откровенно, находило такое тревожное состояние.

Д: Знаю, кажется, что «по второму кругу» начинаешь говорить об известном...

Ш: но честно скажу и другое: чем глубже вникаю в структуру некой сложной социально-производственной системы по имени «стройтрест», тем многомернее, во все более новых измерениях, открывается ее жизнедеятельность.

Д: Пусть я работаю не на уровне «мировых стандартов» большой журналистики, но так, что не стыдно завтра идти в бригаду или встречаться со специалистом, о которых писал. Согласен, шифовать в многотиражке мастерство в каком-то одном жанре (репортаж, очерк) проблематично. Но вот мобильность, умение выдавать тему компетентно, без ее «высасывания» — этому она учит. А еще — дает добротную школу профессиональной честности. Будет ли производственный здороваться с тобой в будущем году, согласится ли вновь доверительно поговорить, потянется ли в газету настоящий авторский актив, пойдут ли отклики — это для нас вопрос «жизни или смерти».

Ш: Участвовал во Всесоюзном семинаре редакторов многотиражных стройгазет. Запомнилось, как редактор из г. Электросталь сказала: «Мы делаем свою большую маленькую газету».

Д: Настоящая формула! Всего четыре, а то и две теблонные полосы. А должно быть, как в «большой». И не в смысле: все обо всем и для всех. Большая — еще и авторитетная, требовательная к руководству, требующая перестройки на деле. Только досада берет порой — однокашник, с которым давно не встречались, спрашивает: «Камвольщик... что это, где? Понятно, старик: «лучше первым здесь, чем последним в Риме...» И смотрит с состраданием.

Ш: Причина в таком «детском» снобизме в студенческие годы. Взгляд «сверху» на «низовку», т. е. низовую печать.

Д: Так ведь давно не студент...

Ш: ...тогда огрехи нашего с тобой профвоспитания. На втором курсе, помню, была учебная практика в многотиражке Свердловска. Прошли и сочли ее навсегда пройденным этапом. И никто нас в этом не разуверил.

Д: Беда и в отношении иных многотиражек и «четырехугольника» к нашим студентам. Две девушки отважились, по собственному почину, пройти производственную практику в многотиражке большого металлургического комбината. Редактор и секретарь обрадовались: рабочая сила на лето привалила и — сами в отпуск скорей. Что вышло, догадываешься...

Ш: Именно поэтому мы — многотиражники с университетским дипломом должны упорно «вызывать огонь на себя». Скажу, за 10 лет моего редакторства к нам, несмотря на близость Свердловска, интересность самого стройтреста, никто не приезжал на практику. А разве я или ты оставили бы ребят без присмотра? Правда, на базе многотиражки сделала в этом году дипломную работу одна выпускница. Хорошо сделала. Но по причине «пожара» не удалась преддипломная практика в большой газете...

Удовлетворен тем, что Полевской ГК КПСС, сектор обкома партии и областная организация Союза журналистов делают систематические обзоры многотиражной печати. Но не знаю научно-практических работ на нашем факультете, например, по созданию оптимальной типологической модели современной многотиражной газеты.

Д: Действительно, ощущаешь себя зачастую не столько в журналистской «сфере», сколько среди тех, для кого лишний, с кем работаешь на производстве. Знаешь, незаметно начинаешь приобщать себя к своим героям. Вдруг как-то вырвалось у меня: «мы — камвольщики...»

Ш: ...и «мы — строители, трубки, путейцы, обувщики, металлурги...» Это вовсе не обедняет наше журналистское «я». Как-то тверже стоишь на земле.

Анатолий ДОЛЖЕНКО,
редактор многотиражной газеты «Камвольщик».
Выпуск 1963 г.
Семен ШОР,
редактор многотиражной газеты «Голос стройки».
Выпуск 1968 г.

СУДЬБА МОЯ,
ЖУРНАЛИСТИКА

(Окончание. Начало на 4-й стр.)

с нуля — фамилия, имя, должность. Не потому, что не знаю. А потому, что эти вопросы не смущают — в душу ведь не лезешь.

Сначала рассказывает коротко, ведь подчас человек не убежден, что это представляет интерес. Стараюсь «подколоть» каким-нибудь не очень официальным живым вопросом, вызвать улыбку. Потихоньку-полегоньку вокруг биографической ниточки наматывается личностный клубок.

— В разговоре с разными людьми вы — разная?

— Стараюсь оставаться сама собой. Никогда не притворяюсь, не стараюсь казаться лучше или хуже.

— С отрицательным героем сложнее?

— Психологически. Когда я иду на встречу с хорошим человеком, не волнуюсь — разучилась. Знаю,

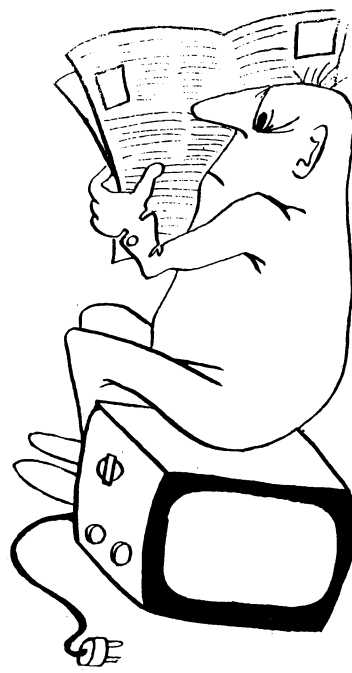
что пойдем друг друга. К плохому человеку не хочется идти. С ним приходится быть «себе на уме».

Говорить надо спокойно, не обнаруживать антипатий. Тон не должен быть враждебным. Кроме того, журналист не должен забывать, что приехал разбираться, а не обвинять — в журналистике тоже презумпция. Но мы — партийные журналисты и должны воспитывать всегда.

— Одна беседа с героем — много это или мало?

— Смотря какая. Чаше знакомство и углубление его между мной и героем происходит в одну встречу. Я всегда стараюсь побывать у человека дома, иногда напрашиваюсь — там мы можем поговорить не торопясь, обстоятельно. Герой чувствует себя свободно. Реже прибегаю к нескольким встречам. Когда чего-то не могу в человеке понять. И то чаще по

сути конфликта, а не по очерку. — Когда решаете, что пора уезжать?

— Когда найду ту изюминку в человеке, что брошишь в квас — и заиграет... Я приучила себя к коротким, концентрированным командировкам еще с тех пор, как дети были маленькими...

Процесс осмысления фактов у каждого журналиста осуществляется по-разному. Ткаченко в это время всегда за рабочим столом перед листом бумаги. «Но у меня всегда проблема — начинаю писать и отхожу от плана. Он чаще в основе своей остается за материалом, как второй вариант разработки темы. Выходит, что не только я веду материал, но и он меня ведет».

Я надеялась проникнуть в профессиональные тайны Веры Ткаченко, но при первой встрече услышала от нее: «Творческая лаборатория? Меня пугают эти слова. Это что-то очень солидное и теоретическое. Я работаю просто, без теории, если хотите, по интуиции. Как подсказывают интуиция, опыт, сердце. Боюсь, что Вам не удастся найти в моей работе какие-то приемы».

Людмила КОСТЕНКО,
сотрудник Красноярской студии
телевидения.
Выпуск 1981 г.

ОТ НАШЕГО СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Школа

«Пионерки»

Он улыбнулся и хлопнул меня по плечу:

— Читаю... Начал хорошо. Я тоже хотел улыбнуться и благодарно ответить коллеге. Но не успел. Он срезал меня вопросом:

— Скажи, тебе, на самом деле, охота гулять в коротких штанишках?

Тогда я только беспомощно развел руками. Честно говоря, не знал ответа. Не успел ответить самому себе, проработав в «Пионерской правде» всего два месяца. Ответу сейчас.

Тираж «Пионерской правды» уступает только тиражам «Труда» и «Комсомольской правды». А совсем недавно решено перевести газету на трехцветный выход в неделю. Это первое, лежащее, так сказать, на поверхности.

Второе. Как объяснить ребенку то, что и взрослому трудно бывает понять? Каким образом? Как проникнуть в его сердце, сознание, ничего не поранив? Как рассказывать, например, о Рейкьявике? Какие найти слова — чтобы и с оптимизмом, и с тревогой одновременно? Или как говорить о Постановлении по борьбе с нетрудовыми доходами? Ведь перво-класска еще далека от этих «взрослых» проблем. Как?

Предельно честно. Как собственному сыну.

Только не получится ли обращение-монолог корреспондентов, учи-

телей, родителей, всех хороших «дядь» и «тетей» к маленькому, начинающему читателю?

Нет! На наших с вами глазах создается, в муках пишется детская публицистика, складывается подлинное общественное мнение юных граждан страны. Пожалуй, в мире нет аналогов подобному авторскому процессу-движению. У кого учиться? Подшивки «Пионерки» — первый пока газетный учебник такой читательской инициативы. Правда, есть еще «Пионер» — первопроходец этого начинания. Но он — другое, журнальное издание, живущее по своим творческим законам.

Самые интересные публикации о поездке Кати Лычевой в Штаты были в «Пионерской правде». Газета дала ее дневники. Почитай: масса деталей, наблюдений да таких, на которые мы, взрослые, пожалуй, уже не способны. Сейчас в поездку за океан собирается еще один маленький посол мира — мальчик-пятиклассник. Очень хочу, чтобы поездка состоялась. В кармане его школьной курточки будет журналистское удостоверение — юнкор «Пионерской правды».

Словом, сотрудничество с такой газетой, общение с ее читателями — высокая творческая прелесть и трудность для журналиста. Здесь получаешь крепкую прививку от «заавторства», бежишь от стилизации «под школьника». Это третья.

Хочу, чтобы «Пионерка» не осталась единственной газетой для детей и создаваемой детьми. Обновляющие примеры обновления детской периодики показыва-

ют некоторые пионерские газеты в республиках. А в регионах, в Свердловской области, например? Надо и уральцам думать о форме подобного издания. Надо думать тем выпускникам (и — выпускницам) нашего факультета, которые не побоятся иронии от носителя «коротких штанишек». Одно должно быть ясно: становление очередной «взрослой аудитории» начинается с письма, чистого голоса гражданина в «коротких штанишках» в своей маленькой газете.

Сергей РЫКОВ,
собкор газеты «Пионерская правда» по Уралу.
Выпуск 1977 г.

Вежливость
моих коллег

Октябрь. В дверях корпункта студент.

— Здравствуйте! Я к вам за журналистским мастерством.

Польщен. Не знаю, куда и посадить молодого коллегу. Приятно иметь учеников. Тем более, что у коллеги голос кинит от идей, мыслей, планов... Обстоятельно побеседовали и договорились о следующей — скорой встрече.

Декабрь. — Здравствуйте, текучка заедает. Нет, нет — хочу, могу, буду...

Февраль (другой вариант: март).

— Добрый день! Как же, вынашиваю, пишу. Тут еще в одну газету, может... Но — сделаю!

Май.

— Вы меня не позабыли? Помните, пристали на кафедре: нужен зачет. У меня совесть есть, сделаю. Что вы? Право, неудобно, но может черкнете в зачетке...

Если точность — вежливость королей, то многие наши молодые «старшки» и «старухи» делают все, чтобы на этих самых монархов не походить. Бог с ними, королями, но ведь может и журналист не состояться!

Газета, в широком смысле, тот же производственный конвейер. Ценность его продукции определяется, конечно, качеством, но и оперативностью, своевременностью. Для каждого, кто по-настоящему в газете, надежность, исполнительность и обязательность — не прихоть, а железная профессиональная необходимость. «Детские игры» моих подопечных тревожат: в чем причина, что в газету тянутся люди, может, и одаренные да не всегда обязательные?

Октябрь-86.

— Здравствуйте! Мы к вам за журналистским мастерством.

Я попросил моих будущих коллег предварительно прочесть эти строки.

Помните, название сборников — рассказов ветеранов советской журналистики: «Солдаты слова». Это не ради красного словца. «Вольнодумные» не нужны ни в редакциях, ни, тем более, на факультете журналистики.

Александр ПАШКОВ,
корреспондент газеты «Известия» по Свердловской и Пермской областям.
Выпуск 1976 г.

ЖУРНАЛИСТ
В ШИНЕЛИ

Начиная учебу на факультете, не думал, что буду военным журналистом. Просто окончив III курс очного отделения, оказался перед житейской необходимостью перевода на заочное... Где испробовать себя профессионально?

Думали со светлой памяти Сергеем Георгиевичем Александровым — тогда деканом факультета, прежде — кадровым военным журналистом. Так и стал я «служащим Советской Армии» — начинающим сотрудником редакции нашей окружной газеты «Красный боец».

Были и другие обстоятельства, повлиявшие на мое решение. До университета я уже отслужил срочную в армии. Служба прошла исправно. Сотрудничал с газетой части, считался военкомом. Значит, должен справиться с заданиями армейской редакции. Но и тогда еще не строил особых планов на будущее.

Чем, думаю сейчас, увлекла меня работа-служба?

Нравилась бесконечные и стремительные командировки (а территория округа огромная...). Забегая вперед, скажу: где я только не побывал за годы службы, сколько всего перевидел! Говорю не как военнослужащий, привычный к скорой перемене мест, а как журналист. Уйма наблюдений, впечатлений, картин. Нельзя журналисту без командировок... Понимаю, далеко не все из накопленного успею и сумею творчески реализовать. Все равно: какой это нужный профессиональный «арсенал» — в блоках, в самой твоей душе! Представьте только: «точка» — где-то на севере, юге, востоке. Вдали от обжитых мест. Люди и могучая, грозная техника, призванные сохранить, спасти хрупкую, нетронутую красоту природы (вот вам и своеобразный экологический даже «разворот» темы).

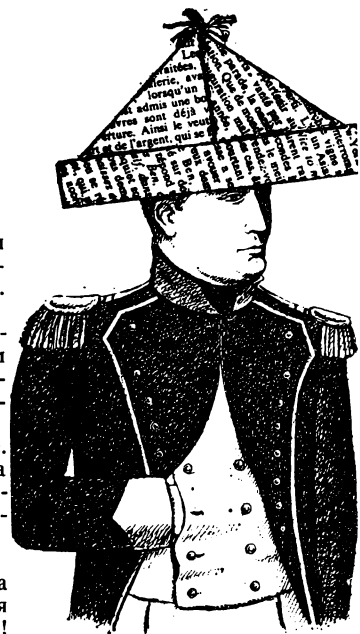
Люди. Командиры — кадровики, специалисты. Есть и сверхсрочники. А кругом — такие же, как вы. Служат ребята и спрашивают тебя про факультет, о разных вузах. Другие расскажут о том, что собираются делать, когда скоро вернутся домой, на завод, в деревню. А тут тебе — тревоги, учения с «атомными» взрывами и настоящими — дымом, гарью, бездорожьем, ливнями, ветром с песком, холодом и зноем под плащпалаткой, постоянной напряженностью, «уравнениями» со многими неизвестными.

Обо всем этом надо уметь писать. Не «ради нескольких строчек в газете», а со знанием дела и ради ратного дела. Почему, скажем, «синие» оказались искуснее «зеленых» и захватили плацдарм? И написать так, чтобы парень, который недавно получил письмо и думает о подруге или сверстниках «на гражданке», проникся службой и понял, что учения — вовсе не продолжение мальчишеской игры «в войну».

Как разъяснить в материалах (а то и просто — немедленно, в поле) восемнадцатилетнему пареню — солдату! — что перед ним не «синие» — условный противник, который «палит холостыми», а враг. Сильный. Коварный. Умный. Который пойдет на все, чтобы уничтожить тебя, паренек. На самом деле, как? Нужны другие, не «телеграфные строки» фронтового корреспондента. Нужны мысли, выводы, чувства, которыми бы проникся твой читатель.

Вот и ищешь их. В только что отрытых окопах, на полигоне, в палатках лагерей — среди будущих героев своих материалов. Надо, чтобы парни не просто «отслужили», но с пользой и для мирной гражданской жизни прошли школу армии. В этом отношении, убежден, военная журналистика — особая, но составная часть и нашей молодежной печати.

А кадровики, офицерский корпус, семьи военнослужащих.

«молния» на редком привале, вот уж поистине — скажет, как отрубил!

— Ну что, Юра, если перейти тебе в кадры? — спросил редактор. — С ответом не тороплю. Служба военного журналиста — не мед. Подумай.

Точно, думал. Но надумал.

Только дело вовсе не во мне, не в моей личной журналистской биографии. Военными журналистами стали ведь и другие выпускники нашего штатского факультета. Владимир Косарев — работает (служит!) в «Красной звезде», в военной печати Леонид Питерский, Валерий Шаров... Сколько еще кадровых военных газетчиков пополнили свои профессиональные и теоретические знания, получив университетское образование на заочном отделении нашего факультета!

Много ребят сейчас уходят с факультета на службу в армию. Потом возвращаются и завершают учебу. Интересно, какой профессиональный след оставила в них армия? Я бы очень хотел, чтобы взглянули они на пройденную службу в плане своего журналистского будущего. Говорю так со всей профессиональной ответственностью: журналистика в шинели — нужное и творческое дело сегодня да и в обозримом будущем. Мы — выпускники УрГУ достойно служим Советскому Союзу в военной печати.

Почему бы на родном факультете не попытаться организовать факультатив военного газетчика? Хотя бы шире информировать студентов о военной журналистике в курсе «Вопросы военно-патристического воспитания в печати». «Краснобрюшцы» готовы подключиться к такому начинанию.

Товарищи по редакции подсказывают мне: в свое время студенты (девушки даже) часто заглядывали в «Красный боец», с творческой пользой для себя сотрудничали в нашей газете. Сегодня подобное случается реже. Мы можем предложить и доступные, и проблемные даже задания, организовать командировку в войска...

Стоит сообща подумать.

Юрий ЗУБАРЕВ,
полковник, заместитель редактора газеты «Красный боец».
Выпуск 1965 г.

НАМ ПИШУТ

(Окончание.)

Начало на 6-й стр.)

найдутся рюкзаки с профессиональным опытом потяжелее моего.

Предлагаю дело. Разве не нужен факультатив кинопублицистики? А курс радиорепортажа и радиочерка? Почему не создать экспериментальное студийское телевизионное объединение на базе Луначарского, 212. Или курс редакционно-издательского дела? Сколько наших трудятся в областном издательстве, в редакциях специальных журналов...

В 20 лет никто не знает себя до конца. Но досаднее, когда ленятся думать о том, какой станет наша профессия двадцать лет спустя.

Геннадий ШЕВАРОВ,
зам. гл. редактора художественного вещания Свердловского телевидения.
Выпуск 1969 г.

Мы выполним
нам долг

Прошу прощения, что пообещав весной от имени всех туркменских журналистов — выпускников факультета рассказать о нашей жизни и работе, так и не написал. Не отослал в Свердловск подробное письмо.

Сейчас шаю восточку из Афганистана. Нахожусь в городке Шинданд, провинция Герат, недалеко от границы с Ираном. Сообщаю, что у меня все в порядке. Не надо беспокоиться. Занят, конечно, но как журналист внимательно, с интересом вглядываюсь в жизнь южных соседей Туркмении. Своими глазами вижу революцию, без увеличения наблюдая как движется сама История.

Знакомый с детства с крестьянским трудом, сравниваю и вновь убеждаюсь, какой же огромный, сказочный скачок сделала за годы Советской власти родная Туркмения! Как нужны сегодня Афганистану настоящие лексиконские руки, чтобы вывести сельское хозяйство из многовекового застоя. Пробываю в этой стране совсем немного, но считаю, что не только в Кабуле, но и здесь, в провинции, люди постепенно выходят из состояния какого-то оцепенения — сонного сидения в пыльных дуканах.

Наши дорогие, больно, но обязан известить вас о тяжелой утрате: мой друг и одноклассник, наш выпускник Ыльяс Чолуков 29 июля этого года погиб как герой, выполнив до конца свой боевой долг. Сообщаю, что он дважды награжден орденом Красной Звезды. Второй раз — уже посмертно. Мы выполним наш боевой интернациональный и журналистский долг. Пишите. Здесь особенно хочется побольше знать о жизни на факультете и наших учителей.

С юбилеем тебя, родной Уральский факультет!

Джума АТАЕВ,
Демократическая Республика Афганистан.
Выпуск 1981 г.

В любой
ситуации

Поступил я в университет в 1947 г. Время было трудное. На каждом шагу давала о себе знать недавняя война. Впрочем, она никогда не забывается. И когда собрался весь наш курс, немало студентов оказалось в гимназиях. В числе их и я. Думалось, как подружиться с остальными? Но прошло совсем немного времени и мы сжились, смешались. Словно давно знакомые фронтовики и «тиловики» — мальчишки, девчонки со школьных скамеек, полей и заводов. А вскоре отправились на свою первую студенческую «картошку». Она настолько сблизила, что уже... одалживали друг у друга деньги.

С волнением прибыл на первую производственную практику.

— Поезжайте в район — отстающий и отдаленный, — объявил редактор. — Будете освещать уборку. Материалы передавать оперативно, по телефону.

Еду. Сначала поездом, дальше — автобусом. Добрались, грязь — по колено. А на ногах легкие парусиновые туфельки. Нет, не нынешние полуночные или тенниски. Нечто другое — теперь такие разве в музеях показывать...

Все-таки выбрался из лапшей. По объектам походил и из редакции районной газеты передал первую корреспонденцию. Ходить стало как-то легче, свободнее. Наконец, пришел в райком партии, к первому секретарю. Представился. Секретарь поднялся из-за стола.

— Что с вами? — спрашивает. — Отпечатки ног...

Извините, — отвечаю, — что запачкал пол. Но, сами видите, какая грязь на кругом.

— Да, нет, — отвечает секретарь, — не о том я. Следы у вас странные. Вы, товарищ корреспондент, вроде бы как босиком?

Точно! Подошвы моих «парусинок»

ОТ НАШЕГО
СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТАЗвонок
из юности7.00. Настроение досыльное.
Строка идет.9.30 Телефон (междугородный):
— Извини, что разбудили (в аппарате кой-кто считает святым делом намернуть при случае: мы, мол, трудимся, на твою ж, соборовскую долю, остается спать больше самого образцового пожарника): — Ты хоть в курсе, что у тебя там происходит?9.40. Настроение досыльное.
Строка идет.10.00. Телефон (местный):
— Есть тема... Самим написать? А если вы? Пора, говорите, перестраиваться... В принципе, согласны, только тема очень критическая.

10.20. Досыл пишется. Строка не идет.

10.30. Телефон (местный):
— Соединяю вас с товарищем...
— Доброе утро, товарищ Кортин. Ну, что мы завтра прочтем в областной прессе о славном городе Тагиле? Только-то? Понятно, надо. В духе времени. Может, нашего уважаемого собственного корреспондента заинтересует и другое, например... Нельзя все одной краской...

10.40. Досыл не пишется. Подиктовать стенографистке что ли?

10.55. Телефон (междугородный):
— Борис, здравствуй! Это из университета. К юбилею факультета газету выпускаем. Нужен материал под рубрикой «От нашего собственного корреспондента». Ну, недельку даем.

Звонок из юности. Все в сторону! Никакой неделки — начинаю оперативно сдачу для «Советского журналиста»!

Мысль первая: о том, как хочется порой быть обычным «литрабом» в аппарате, а не чьим-то «собственным».

Мысль вторая, несогласная с первой: большего простора творчества, чем у собкора, пожалуй, нет ни у кого.

Но звание обязывает. Ты — не заезжий «спецкор». Каждодневно — на своей постоянной «линии огня». У всех на виду: и друзей, и противника. Оттого позиция должна быть честна, компетентна и предельно укреплена.

Ты — «многогостаночник». Ибо многогранна жизнь закрепленного за тобой региона. Она не должна быть обедненной на газетной страничке. Трудно.

В собкоры отбирает Время. Поприще. И журналист, сам себя. Ну, и редакция, разумеется. Трудиться годами «на дистанции» от коллектива не просто. Одному зачастую, «стоять» за свою строку.

...Не припомню, чтобы было традицией распределять выпускников факультета в собкоры. Готовят нас на все отделы, но не в собкоры.

Не припомню и емкого цикла лекций, скажем, об особенностях организации и ведения собкорской деятельности. Не помню, чтобы на практику студенты ехали не в отдел редакции, а в (соб)корпункт. Наконец, чтобы под руководством собкора областной газеты выполняли практическую дипломную работу.

Нынешним на факультете желаю искренне: если дарует Судьба (редактура) собкорское поприще, не кичиться своими полномочиями, больше думать о предназначении своем. Найти и крепче опираться на помощников — рабкоров. Один в городе, в «кусте» — не воин.

17.30. Делаю сдачу «Советскому журналисту». Настроение поднятое.

Борис КОРТИН,
собкор газеты «Уральский рабочий».

Выпуск 1972 г.

ОСТАЮСЬ ЖУРНАЛИСТОМ

С ВЛАДИСЛАВОМ КРАПИВИНЫМ (ВЫПУСК 1961 г.) БЕСЕДУЮТ
СТУДЕНТЫ — ЧЛЕНЫ ГРУППЫ «ПОИСК».Вы профессионализировались как пи-
сатель. Но что Вам хотелось бы ска-
зать о журналистике как выпускнику
факультета?— Мне трудно принять такую поста-
новку вопроса. Помните, у Константина
Симонова: «Остаюсь журналистом».Я не отошел от журналистики. Член
редколлегий журналов «Пионер» и
«Уральский следопыт». В «Пионере»
руководил школьным пресс-центром
редакции. Выступал в печати с пуб-
лическими материалами, включая
корреспонденции. Имею корреспонден-
тское удостоверение «Учительской га-
зеты» и сейчас разрабатываю тему для
выступления... Наконец, наша «Кара-
велла» — не только пионерская флот-
лия, но и деятельный отряд юнкоров.В свое время Вы дебютировали в
«Советском журналисте» — напечата-
ли свои первые новеллы. К сожалению,
творческие выпуски нашей учебной га-
зеты сегодня — большая редкость...

— Не думаю, что в мои годы на

факультете царил особый «золотой
век» студенческого литературного твор-
чества. Просто мы — как сами студен-
ты, так и преподаватели, — старались
прежде всего, выработать культуру
такого общественно-творческого про-
цесса. Не обижайтесь, но мне порой
кажется, что некоторые из вас поза-
были славную традицию отечественной
и советской литературы. Кстати, она
отчетливо звучит и в курсе истории
журналистики: плодотворное сочетание
собственно писательского труда и пуб-
лической, редакторско-издатель-
ской деятельности. Вы же, претендуя
на «писательство», вдруг забываете
журналистское, общественно-политиче-
ское отношение к творчеству. Вы обжа-
етесь, когда вас «не печатают». Согла-
сен: случается и настороженность на-
ставников, недоверие к вам, даже
перестраховка. Но напрасно объяснять
свои неудачи лишь одним этим. Ока-
зались вы сами на месте редактора или
заведующего отделом, уверяю, — нико-
гда бы не дали «добро» на нине свои
творения...

Что конкретно Вас тревожит?

— Да то, что многие начинающие
более обеспокоены судьбой, «проходи-
мостью» собственного произведения, не-
жели... судьбами его героев. Моло-
дых авторов занимает не столько отбор
и осмысление явлений действитель-
ности, сколько собственное самоутвер-
ждение. Видишь логически холодно вы-
строенную композиционную модель
схему, а не мир в его истинных соот-
ношениях, любовь к людям. Отсюда и
нарочитая бравада своим угловато-
жестким стилем, «беспощадной» мане-
рой письма, заданное намерение ска-
зать нечто да так, как «до меня» еще
не говорил никто... Начинаящие не
сразу приходят к мысли, что «свое» —
по-настоящему новое в творчестве вы-
ключается в кристалльности твоей мыс-
ли, четкости замысла и очевидной со-
причастности авторов к жизни героев.Но, Владислав Петрович, ведь надо
все-таки когда-то начать?— Именно: когда и как? И — кому?
Вспользуясь сравнением: перво-
классник, по-своему, тоже «знает мир».
Но первоклассники разные: есть пы-ливые «почемучки» и самоуверенные
зазнайки, для которых их «I-а» и есть
весь мир. Для занятых литературным
творчеством (как, впрочем, и публици-
стическим, журналистикой в целом)
такие «первоклашки» не особенно го-
дятся.В чем мне и другим нашим лит-
кружковцам повезло, так это в лично-
сти руководителя. Им был Владимир
Николаевич Шустов — тоже выпускник
факультета, писатель и одновременно —
взыскательный журналист-редактор
(о В. Н. Шустове читайте на стр. 2 —
Ред.). Он приучил нас уважать печат-
ное слово.Судьба многих наших произведений
заканчивалась на уровне бурных спо-
ров в кружке. Лучшее появлялось в
машинном альманахе. И совсем
немного выходило «в свет» в литера-
турно-публицистических выпусках «Со-
ветского журналиста». «Учебная», но —
ГАЗЕТА! Газета высокого учения ма-
стерству, а не бумагописания. Спустя
годы мы с гордостью вспоминаем уро-
ки, преподанные нам в скромной
«учебной газете».

Спасибо.

«Пока я не поговорю с автором письма и не узнаю чего он
действительно хочет: доброго совета или возмездия, его пись-
мо — редакционная тайна. Исследуя человеческие истории,
журналист должен быть бережно точен, как хирург при опе-
рации на сердце. Ну и если нужно, то жесток — тоже как хи-
рург».«Мы живем в мире, который по вечерам освещается мил-
лионами кино- и телеэкранов. Что это — новая могуществен-
ная реальность, рядом с которой реальный живой человек мо-
жет стать иллюзией?»«Цель газетной дискуссии: обратить интерес личности к
вечным вопросам. И обратить эти вечные вопросы к собст-
венной жизни, к себе самому».«Публицистический стиль я назвал бы лабораторным, по-
тому что саморазвитие мысли, сам процесс поиска истины —
с сомнениями, ошибками, наивными гипотезами, озарениями,
которые через минуту кажутся смешными, ложными шагами».Настоящий журналист проверяет-
ется на картошке.Не мной сказано. Сказал так, в
разгар нудных красноуфимских
дождей, наш куратор Виталий
Алексеевич Павлов. И в самом де-
ле, когда возвращаясь с поля, мы
окончательно отрясли с ног своих
прах городской обуви, Аркашу
Реводько осенило. При свете ке-
росинки мы выпустили первый но-
мер полевой газеты курса. Это
было как ультиматум руководству
совхоза: резиновые сапоги или
ежедневная сатирическая газета.Сапоги завезли, и мы снова,
назавола, добывали нелегкий
«второй хлеб». С поля возвраща-
лись теперь с песней, а через не-делю дали в Чувашково первый
концерт. По-моему, деревенские
были довольны. Я, помнится, чи-
тал пародии. Не свои пока. Но,
вернувшись богатым в Сверд-
ловск, рискнул: купил (тогда еще
в свободной продаже) несколько
сборников хороших и не очень
стихов. Сочинил несколько пародий.Пародии напечатали в стенгазе-
те. Куратор подозрительно долго
том подозвал меня:— Это ты самолично? Такие ве-
щи, знаешь, раз в сто лет появля-и начальными точными догадками, то есть то, что почти ни-
когда не выносятся «на публику», а остается обычно фактами
внутренней жизни автора, зафиксированными в лучшем слу-
чае в рабочих черновых тетрадях, — становится одним из пер-
вых планов повествования. Читатель видит ту руду, из кото-
рой при нем же добывают «граммы радия»... Это нужно для
того, чтобы читатель тоже ощущал себя исследователем.
И истина, добытая с трудом, была как бы естественным вы-
ходом из его личного духовного и нравственного опыта. Бес-
конечно важно для публицистики, чтобы читателю не каза-
лось, что ему навязывают что-то насильно, а, напротив, сам он
чувствовал бы себя в конце повествования умнее автора и
«навязывал» автору то, чего от него лукавый публицист и до-
бивался».Евгений БОГАТ (1923—1985),
публицист «Литературной газеты».
Выпуск 1944 г.

НА КАРТОШКЕ

Говорю авторитетно, как
историк отечественной и ураль-
ской печати.Я подумал, что надо мной
насмеются и перешел на лирику —
местами интимную, а где и обще-
ственную. Отличное написал сти-
хотворение на лекции по логике.
Особенно финал:Ой, вы ночки, вы ночки
весенние!
Я к вам сердцем оттаявшим
рвусь.
Если сессию сдам боле менее —
Обязательно летом женюсь.Редактор стенгазеты Евг. Баб-
кин свое дело знал туго и стихот-
ворение, конечно, поместил. Толь-
ко приделав к нему рубрику «Па-
родии». Тут я совсем засомневал-
ся: может, куратор на самом деле
не шутил?Короче, остановился я на пародии
и сейчас с благодарностью по-
жимаю руку Валентину Прохоро-
ву, рискнувшему опубликовать их
впервые в «Уральском рабочем».
Вдруг и теперь он вспомнит обо
мне...Валерий АНИЩЕНКО,
зав. отделом фельетонов
и клубом им. Первого апреля
газеты «На смену!».
Выпуск 1965 г.

Валерий АНИЩЕНКО

Как наши известные поэты напи-
сали бы на тему сказки о реке

ОТДЫХ

(в манере Евгения Евтушенко)

Я не поеду в Лиму и на Лену,
Я в огород хочу податься летом.
Чтобы улечься рядом с огурцом
Пупырчатый в костюме модном.

НАМ ПИШУТ

(Окончание.
Начало на 7-й стр.)
где-то на дороге остались. И когда
только отвалились?Спасибо секретарю: распорядился
обуть меня. Выдали хорошие керзачи.
В них разгуливал по району в любую
погоду.Словом, если ты — журналист, до-
казывая свое призвание в любой ситу-
ации!Андрей ТЕРЕБ,
сотрудник газеты
«Тагильский рабочий».
Выпуск 1952 г.С доверием
и уважениемСтатья — тема моей практической
дипломной работы так и осталась глав-
ным, самым притягательным, хотя и
«мучительным» жанром. В редакции
всегда с доверием и уважением отно-
сятся к практикантам и выпускникам
УрГУ.Раиса БЛАЖКО,
корреспондент отдела школ
и учебных заведений газеты
«Забайкальский рабочий».
Выпуск 1962 г.

Здравствуй,

наш
факультет!Еще год назад, примерно в это
время, от кого-то из нас — пятикурс-
ников в деканат могла бы поступить
телеграмма: «ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ
ЗАДЕРЖАТЬСЯ ПРАКТИКЕ НЕДЕ-
ЛЮ». Сегодня отзываемся по-другому:
«ОСНОВАТЕЛЬНО ЗАДЕРЖИВАЕМСЯ
НА РАБОТЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ.
ЖИВИ И ЗДРАВСТВУЙ, НАШ ФА-
КУЛЬТЕТ!»Р. и А. ЕЛДАШЕВЫ,
Л. ПОНОМАРЕНКО,
сотрудники газет «Молодой
дальневосточник» и «Тихоокеанская
звезда».
Выпуск 1986 г.Итак, коллектив типолаборатории нашего факультета выпустил
227-й номер «Советского журналиста». Как и его предшествен-
ники, он — творение не столько могучей газетно-полиграфической
техники, сколько искусных рук и терпеливых сердец.Все тексты вычитала корректор М. Д. Чернышенко. В тысячи
строк набора их превратили лнотиписты Р. В. Шантарина и
Т. С. Малахова. Метранпажи В. А. Шевелева и Л. Г. Черных
выстроили из них 8 полос сдвоенного выпуска. Тираж вручили
читателям печатницы Л. Н. Ваулина и В. И. Козовина. А про-
думанный график подготовки юбилейного выпуска «Советского жур-
налиста» — заслуга заведующей типолабораторией М. И. Вавуленко.
Спасибо вам, наши коллеги!Искренняя благодарность надежным товарищам — журнали-
стам «Уральского рабочего». Зам. отв. секретаря редакции
Леонид Маковкин (выпуск 1952 г.) и выпускающий редакцию
Геннадий Чугаев (выпуск 1982 г.) участвовали в разработке
макета номера.Рождению этого выпуска словом и делом помогли члены
факультетской группы «Поиск» — Елена Попова, Марина Калин-
чук (IV к.), Раиса Ильина (III к.), студенты Владимир Глад-
ских (IV к.) и Павел Трифонов (III к.). Спасибо!Ответственный за организацию номера — доцент факультета
Владимир Кельник (выпуск 1952 г.).Все студенты и преподаватели благодарят выпускников, кто,
несмотря на занятость, выполнили свой первейший профессиональ-
ный и ученический долг — откликнулись на просьбу факультета
и написали в «Советский журналист».Спасибо и всем — доброго здоровья, счастья в жизни
успехов на журналистском и издательско-полиграфическом
поприщах!

РЕДАКЦИЯ

Ответственный редактор — доцент факультета
Александр ЕРМАКОВ.
Выпуск 1950 г.